

КОЛЛЕКЦИЯ ИСТОРИЙ

ЧИТАЙТЕ ДРУГИЕ КНИГИ СЕРИИ

САРА ДЖИО. ФИАЛКИ В МАРТЕ

САРА ДЖИО. ЛУННАЯ ТРОПА

САРА ДЖИО. НАЗАД К ТЕБЕ

САРА ДЖИО. УТРЕННЕЕ СИЯНИЕ

МАРИЯ МЕТЛИЦКАЯ. ЦВЕТЫ И ПТИЦЫ

МАРИЯ МЕТЛИЦКАЯ. ПОСЛЕ ИЗМЕНЫ

МАРИЯ МЕТЛИЦКАЯ. ТО, ЧТО ИМЕЕТ ЗНАЧЕНИЕ

МАРИЯ МЕТЛИЦКАЯ. ЛЕГКО НА СЕРДЦЕ

МАРИЯ МЕТЛИЦКАЯ. СЧАСТЛИВАЯ ЖИЗНЬ
ВЕРЫ ТАПКИНОЙ

КЭРРИ ЛОНСДЕЙЛ. ЛАЗУРЬ НА ЕГО ПАЛЬЦАХ

КЭРРИ ЛОНСДЕЙЛ. РАЗБИВАЯ ВОЛНЫ

МАРИЯ МЕТЛИЦКАЯ

ГОРЬКИЙ
ШОКОЛАД

МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-82
ББК 84(2Рос=Рус)6я44
М54

Художественное оформление
Валерии Кольшевой

Метлицкая, Мария.

М54 Горький шоколад : сборник / Мария Метлицкая. — Москва : Эксмо, 2022. — 512 с.

ISBN 978-5-04-161110-1

Можно ли быть абсолютно счастливым человеком?

Наверное, нет, потому что даже в минуты острого счастья понимаешь: оно не навсегда.

Да, жизнь похожа на зебру: черная полоса сменяется белой. Важно помнить, что ничто не вечно: неприятности и удачи, радости и разочарования.

Но есть то, что останется с нами: любовь близких, тепло дома, радость общения..

И ради этого стоит жить.

УДК 821.161.1-82
ББК 84(2Рос=Рус)6я44

© Метлицкая М., 2022
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-161110-1

И все мы будем счастливы

Зал прибытия пахнул на Киру тревогой и беспокойством — она вздрогнула и растерянно огляделась. Нет, все вроде как обычно и как везде: чисто — и это надо признать. Она отлично помнила, как выглядел аэропорт, когда они улетали. Сейчас все вполне цивилизно — бесплатные тележки для багажа, магазинчики известных марок с горящими надписями «Дьюти фри». Там, как и везде, царило оживление — прилетевшие спешно докупали подарки и сувениры.

Прибывший из дальних и не очень стран народ был спокоен, уверен в себе и очень прилично одет — куда лучше, чем в странах Европы. Тогда почему? Почему опять эта мерзкая внутренняя дрожь, испуг, холодок, легкий озноб и даже страх? Почему беспокойство, смятение? «Господи, да бред! — успокаивала она себя. — Просто бред воспаленного мозга. Здесь наверняка все спокойно. Вон сколько милиции!» И тут же вспомнила, что теперь и *они* стали полицией.

Вещи на ленту, кстати, тоже доставили быстро. «Как в цивилизованных странах», — усмехнулась она.

Тогда, сто лет назад, она улетала отсюда с надеждой. Нет, даже не так — почти с уверенностью. С уверенностью, что их жизнь переменится, повернется на сто восемьдесят градусов.

Иначе — зачем? Зачем все эти усилия, нечеловеческие страдания, измученная и больная совесть? Зачем? Она улетаала, чтобы у ее мужа, ее Мишки, все наконец сложилось. Не думала о себе: что там она? У нее все, в конце концов, не слишком сладко, но почти как у всех. Она как-нибудь, с божьей помощью проживет, приладится, свыкнется. Перетерпит. Как это умеет женщина. А вот он — нет. Не перетерпит. Потому что не осталось сил терпеть. Да и улетаали не в Антарктиду же они и не на Северный полюс, не в пустыню Сахару и не на Эверест. В Европу, в благословенную старую как мир матушку-Европу. Любезный Старый Свет, между прочим!

Она помнила этот день, день отъезда. Точнее — вспомнила потом, через несколько лет, сильно напрягши память. Потому что тогда, в тот день, она почти ничего не запомнила — сквозь пелену слез, сквозь свой страх, сквозь нескончаемую свою тоску... Да и слава богу, что не запомнила! Слава богу, что услужливая и щадящая память «обнародовала» это потом, спустя много лет, когда уже чуть отпустило. Кира долго и тщательно восстанавливала все по минутам: три чемодана, набитые вещами. Три новеньких чемодана, остро пахнувших искусственной кожей. Как долго потом этот запах не выветривался. Коробки с книгами — их выклянчивали с черного входа гастронома, в продаже их не было. Ничего тогда не было, ничего. Все доставали с боем, с трудом невероятным. Как Мишка боялся, что эти коробки, перетянутые мохнатой ворсистой веревкой, с уже разъехавшимися углами и просвечивающими сквозь них корешками, развалятся. Еще Мишкин портфель с документами — старый, облезлый, когда-то рыжий, а теперь бурый, любимый Мишкин портфель. Как она умоляла его с ним расстаться! Говорила, что брать его в новую жизнь неприлично. Но нет, не уговорила. В портфель были уложены стопочкой аттестаты, дипломы, трудовые книжки. Мишка,

при всей своей растерянности и безалаберности, к документам относился уважительно. Тоненькая пачечка фотографий — самых дорогих, тщательно отобранных: родители, Мишкина дочка, они с Мишкой. Последних совсем немного — как-то нечасто случалось им фотографироваться. Потом, спустя годы, когда Мишки не стало, совместные фото она убрала. Далеко. Захочешь — и не достать. Впрочем, ей не хотелось. Точнее — она боялась. Боялась увидеть себя счастливой.

* * *

Так вот, день отъезда и Мишкин уродец-портфель, и в нем обменные накануне деньги — валюта. Ничтожно, до смешного мало. А им казалось — богатство! Какими же дураками они были тогда! Впрочем, ими и остались. Что поделать — наивная советская интеллигенция, вызывающая у кого-то пренебрежение, у кого-то — жалость, а у кого-то и смех. Неумехи, топчущиеся по жизни, словно малые дети. Нищие, стеснительные, донельзя скромные, не умеющие жить — доставать, копить, завязывать нужные знакомства. Ничего не умеющие — только сладостно почитать книжки, перелицовывать костюмы и юбки, вязать дурацкие толстые свитера, балдеть от отварной картошки с тощей и сухой иваси, танцевать под заезженную пластинку. Торопиться на свою идиотскую службу, приносящую унизительную копеечную зарплату — жалованье, если изволите! Караулить лишний билетик — конечно, на галерке, а где же еще?

И при этом — ни на что не жаловаться, ни-ни! И еще одна глупость — умение быть самыми счастливыми, самыми довольными, самыми непритязательными. Чудеса!

Нет, конечно, довольны они были далеко не всем. Власть презирали, посмеивались над ней. Ворчали на крошечных, прокуренных кухнях, передавали друг другу перепечатанный

самиздат, копили на привезенные *оттуда* пластинки: блюз или джаз — то, что отсутствовало тогда на прилавках.

Но пуританства, конечно, уж не было — женщины мечтали об импортной туши для глаз, о хороших духах, о нервущихся колготках, об импортных кофточках или юбках. Мечтали. Но как-то довольно легко с отсутствием всего этого великолепия справлялись — шили, вязали, красили, перекраивали. И упрямо считали себя счастливыми. Молодость.

Они не были борцами с режимом. И возмутителями спокойствия тоже. А вот легкими диссидентами — да. «Кухонными», как говорил Кирин муж.

Тогда уже муж! А до этого он был любовник. «У меня есть любовник», — с замиранием сердца, с каким-то священным ужасом повторяла она про себя. И холодела. Любовник! Нет, это слишком — любимый! Так приличнее, что ли? Спокойнее на душе. Хотя о каком покое тогда шла речь? Не было никакого покоя. И счастья, увы, тоже не было. Сплошные печаль и тоска, тысячу раз перемноженные на муки совести. Она так, между прочим, была дамой замужней. Встречались они раз в неделю — ужасно редко, кошмарно редко, особенно в первое время.

Он был не просто ее мужчиной, не просто родным, близким и абсолютно понятным, *ее* человеком. Он для нее был всем: воздухом, водой, хлебом. Жизнью.

Раннее и скоропалительное замужество оказалось дурацким мероприятием, обреченным на предсказуемый провал. Нет, не было в той истории сволочей, негодяев, подонков. Были просто чужие. Те, без кого можно вполне обойтись. Ее муж, ее несчастный и ни в чем не повинный муж, был человеком хорошим. Приличным, порядочным, честным. О таких говорят — повезло. Повезло, что они попались на вашем пути. Кира понимала, но поделать ничего не могла, как ни старалась. А ведь

вначале старалась, и очень! Но нет, не получалось. Не получалось любить. Муж оставался соседом, приятным и ненавязчивым, полудругом или близким родственником — точно что-то из этой категории. Они вместе ужинали, смотрели телевизор, читали перед сном. А потом Кира надолго уходила в ванную — пряталась и переживала, когда муж уснет. Иногда получалось. А иногда...

Нет, женщина может все пережить. И это — в том числе. Закроешь глаза, стиснешь зубы, отвернешься. Но господи, господи! В эти минуты она себя ненавидела. И его, кстати, тоже. Но в чем он виноват? Он — точно нет. А вот Мишка... Он был виноват — ведь он должен решиться, правда? Решиться и взять ее за руку. И увести. Если любит.

Но о самом главном они с Мишкой не говорили еще года два с того времени, как случился их бурный роман. Наверное, ему было страшно. Их страхи были похожи.

Вот, например, ей было страшно не изменить свою жизнь, а обидеть своих — ни в чем не повинного обманутого мужа и замечательную свекровь. А больше страхов не было. Хотя нет, понимала: родители тоже осудят ее и не поймут.

Мишка говорил, что не уходит из семьи по той же причине — из жалости и чувства вины. Ситуации, конечно, несравнимые — у него был ребенок, четырехлетняя дочка Катьюша.

Кира уже тогда была с ней знакома. Пару раз в воскресенье поутру они ходили в «Баррикады» на мультики. Кира заранее ехала на Пресню и покупала три билета — разумеется, рядом. У входа Катьюшу отвлекали мороженым, и Кира потихоньку отдавала Мишке билеты. Садилась рядом, и он брал ее за руку. Сорок минут под бодрую или грустную прекрасную музыку из «Ну, погоди!» они просто держались за руки. И после этого можно было снова прожить пару дней.

Как-то поставили «спектакль» — как бы случайно встретились у чугунных ворот зоопарка.

— Кира Константиновна, моя дорогая! Катька, познакомься — Кира Константиновна, мы вместе работаем!

Девочка равнодушно бросила на незнакомую тетеньку короткий взгляд и дернула за руку отца:

— Пап, ну хватит! Пойдем!

— Да, да, — кивал ответственный папаша. — А вы, Кира? Может, с нами?

И коллега милостиво, хоть и со вздохом, соглашалась.

Шли рядом, а когда девочка отвлекалась, тут же жадно и коротко сплетали руки в замок — господи, как электрический разряд, как вспышка молнии были эти тактильные ощущения. Голь на выдумки хитра — выкручивались как могли.

Мишка женился рано — через два года после школы, едва отслужив армию.

С Ниной, первой женой, познакомились случайно, в метро. Он рассказывал, что та понравилась ему своей чистотой и наивностью — в столицу приехала недавно, тяжело зарабатывала на хлеб на парфюмерной фабрике «Новая заря», и от нее сладко пахло духами. Сначала ему нравилась эта «душистость». А потом — раздражала.

К тому же верная Нина два года его ждала. Да не просто ждала и писала — моталась к нему в часть. Черт-те куда, между прочим, — шестьсот верст от Москвы.

После Мишкиного возвращения они спешно поженились — Нина забеременела. Он признавался — уже тогда не любил. Смотрел на нее как на чужую. А смывать было неловко — она ведь ждала. Жалко ее было до слез, до дурноты. Вот и женился, как порядочный человек. Правда, несчастливы были оба — обнаружилось это почти сразу. И оба молчали, не признавались в этом даже самим себе. Но уже была Катька —

куда деваться? Мишка томился, но и жалел жену. Он говорил, что наивно думал тогда: «Ну так, значит, так. Стерпится — слюбится. Живут же люди и без огромной любви, в конце концов». Нина хороший человек и мать его дочери. И их он не может предать. Как женщина она давно его не интересовала. Да и говорить им было не о чем. Так, из бытового, из общесемейного — пеленки, распашонки, молочная кухня, врачи, дочкин первый зубик, первый шажок. А может, достаточно?

Были, конечно, легкие и необременительные, короткие связи. Но чтобы уйти? Нет, такие мысли в голову не приходили. Но появилась Кира. И их накрыло. Он говорил потом, что сначала ничего не понял — ну, какая-то женщина, вполне симпатичная, кто же спорит? Короткая встреча, случайная компания, куча народу. Да, милая женщина. Только несчастная — это не то чтобы бросалось в глаза, но он углядел.

Она обалдела:

— Да неужели?

Он подтвердил:

— Да, я сразу понял.

Это Киру потрясло. Ей казалось, что в тот вечер она замечательно выглядела. Новая, только из парикмахерской, прическа — модная короткая стрижка, недавно появившаяся в Москве, — называлась она по фамилии парикмахера «сассон» или «сэссон», все путали. Новое платье — роскошное, модное, английское тончайшее джерси, за черт-те какие деньги. А вот как оказалось...

Муж, кстати, от похода в гости тогда отказался — кажется, у него болело горло, но точно Кира не помнила.

Компания была шумная, праздновали Первоймай, хотя это, конечно, был повод — праздников трудящихся Кирины знакомые не отмечали. Компания была полудиссидентская, кто-то уже собирался уезжать, и это усиленно обсуждалось. Врачи,

итээровцы, молодые специалисты — средний класс, интеллигенция. Было очень накурено, и даже у покуривающей Киры разболелась голова. Какой-то незнакомый ей парень взял гитару и запел Окуджаву: «Наверно, эта дама — из моего ребра. И без меня она уже не сможет». Все замерли. Ах, как пел этот щуплый, совсем неинтересный, даже смешной молодой мужчина! Все подвинули табуретки и стулья и сгрудились вокруг него, притихли, загрустили, вспомнив о своем.

Вот тогда они и оказались совсем рядом, в полуметре, нет, даже меньше, друг от друга на диване, почти впритык. Впрочем, все там сидели, как кильки в банках. Места не хватало, и кто-то уселся на палас и подоконник. И в эти минуты все чувствовали единение и душевную близость. А щуплый парень все пел, волнуя и распаяя души и тревожа сердца.

На улицу вывалились большущей компанией. И Кира увидела, как внимательно, изучающе на нее смотрит симпатичный бородатый мужчина — тот самый сосед по дивану. Она смутилась и фыркнула, чуть выпятив нижнюю губу. Он подошел к ней:

— Вам в какую сторону?

Кира растерялась и не ответила сразу.

— О! Кажется, вы забыли свой адрес. А я собирался напроситься к вам в провожающие.

— Ничего я не забыла! — буркнула Кира. — И провожающие, уж извините, мне не нужны! Во-первых, сама доберусь. А во-вторых, у метро меня встретит муж!

Сказано это было с вызовом, конечно, от смущения — ох, давно с ней никто не знакомился, и давненько ее не кадрили, если честно.

Потом Мишка пенял ей, что она могла пропустить свое счастье и свою судьбу из глупости и заносчивости. А тогда он и не подумал отставать:

— И все-таки я вас провожу! Хотя бы до мужа!

И ей, если честно, это было приятно. Кстати, никакой муж встречать ее не собирался.

Потом Мишка рассказывал — сказочник, господи! — что вот тогда, увидев ее глаза, когда она слушала щуплого гитариста, он и влюбился в нее сразу и насмерть.

— А ты? — спрашивал он. — Ты когда поняла?

— Ты о чем? — недоуменно спрашивала она. — А, об этом! А я до сих пор не поняла! — смеялась она.

В тот вечер Мишка проводил ее почти до самого дома. И о чем только они не успели переговорить за этот час! И оба поняли все и сразу. Бывает и так.

Ну и понеслось. Почти два года — точнее, год и десять месяцев счастья и горя, радости и печали. Бесконечной тоски и любви.

Спустя полтора года ей стало все предельно ясно — от мужа она уходит, несмотря ни на что. Позор и осуждение переживет. Да и наплевать ей на осуждение. В конце концов, поговорят и забудут. Но все равно было страшно. Правда, в то время она была почти бесстрашной! Такой бесстрашной, что самой становилось страшно — вот такой несмешной выходил каламбур.

А Мишка все тянул, и однажды Кира не выдержала. Он со всем согласился. Да и доводы тут были ни к чему, все было предельно ясно — да, жить друг без друга они не могут, да, так продолжаться все это тоже больше не может. Да, надо что-то решать. Будет больно? Конечно! Не только им. Но что делать? Врать дальше? Еще больше загонять себя в угол? В конце концов, сейчас несчастные все — он, она, ее муж и его жена. Дочка, слава богу, пока ничего не понимает. А потом несчастных станет чуть меньше, потому, что прибавятся двое счастливых.

Ну и вообще. Унизительно. Страшно унизительно обзванивать знакомых в надежде найти ключи — хоть на час, господи. «Вы в кино? Два часа? Да хватит, конечно, хватит!»

Она слышала его разговор, и у нее падало сердце: два часа — хватит? Да ей жизни не хватит, господи, чтобы его любить. Насладиться им. Наговориться с ним. Наобнимать его. Нацеловать.

Но — куда уходить, куда им деваться? Миша, разумеется, оставит свою квартиру семье — дочери и жене. У Киры площади нет — к московской квартире она отношения не имеет, это дом свекрови и мужа, а в Жуковском, в ее квартире, точнее в квартире родителей, живут ее мать и отец. Туда, к ним, невозможно. Снять комнату или квартиру? Разве что очень сильно повезет — например, кто-то из знакомых уедет в длительную командировку. Можно снять комнату — но это опять везение. Общежитие им не положено — он москвич, у нее московская прописка.

Что делать, что? Но и так больше нельзя, невыносимо. Ей — определено. А ему... хочется верить, что тоже. Но... разве она знала об этом наверняка?

Конечно, Кира пыталась любимого оправдать — в конце концов, его ситуация куда сложнее — там ребенок. Там верная и преданная ему женщина, которая два года его ждала.

Оправдывала, но на сердце была тоска — вечная, высасывающая душу тоска. И еще — страх. А если он не решится? Ну, если, например, заболит жена — он часто говорил, что Нина слаба здоровьем. Или дочь — вдруг девочка устроит скандал, заболит, узнав о разводе родителей? Такое бывает. Через это он точно не переступит.

Уходить Кире было некуда, но она все твердо решила — да будь что будет! В конце концов, почему она, ее судьба, ее собственная жизнь должны зависеть от его решения? От болезней

его жены, от сложного характера его дочери? И она решила: оставаться с мужем — нет, никогда. Это было невыносимо — все эти полтора года бесконечного вранья, опущенных глаз и его прерывистого ночного дыхания, когда ей хотелось прыгнуть с балкона. Разбежаться — и головой вниз. Чтобы больше никогда, никогда этого не было.

Украдкой, потихоньку, она собирала свои вещи. С разговором медлила по одной причине — ждала звонка от коллеги, обещавшей помочь с комнатой. А та тянула. Неделю, вторую. Кира терпеливо ждала. Мишке, кстати, она ничего не сказала — во-первых, боялась сглазить и без того призрачную надежду с комнатой, а во-вторых... Во-вторых, ей хотелось предстать перед ним эдакой героиней, мученицей во имя любви — отважной, решительной, смелой. За любовь — на костер! Ну и, разумеется, предполагались его бурная реакция, удивление, даже восхищение и восторг. Так же, как предполагалось еще и чувство вины: она, женщина, смогла, решилась, а он, мужик, — нет. Расчет был тонкий, но все же дело было не в этом, а в том, что оставаться с мужем она больше не могла.

По ночам обдумывала свой разговор с ним, чтобы помягче, чтобы поменьше ранить, чтобы без бурных выяснений, скандалов и прочего. Краем уха слышала, что свекровь собралась в Клин к сестре, но точную дату не знала — в эти выходные, в следующие?

Нет, конечно, можно спросить. Но Кира чувствовала, что свекровь о чем-то догадывается. Смотрит на нее странно, вздыхает и старается поскорее уйти в свою комнату. Совместные вечерние чаепития закончились, чему Кира была очень рада. Одним словом, приятной обстановку в квартире назвать было сложно.

Чемоданчик свой, почти собранный, Кира засунула под кровать. Вышла на кухню с легкой улыбкой:

— Вера Самсоновна, а вы в Клин собрались? К тете Наталье?

Свекровь посмотрела на нее и указала на табуретку.

— Сядь, Кира, — сухо сказала она и повторила: — Сядь. Тебе не кажется, что нам надо поговорить?

Кира сделала бровки домиком, выразив свое недоумение, и со вздохом присела на краешек табуретки. Глаза подняла на свекровь с большим, надо сказать, усилием.

— Кира, — начала та, — ну что ты решила?

Кира вздрогнула, покраснела и выдавила из себя:

— В каком смысле, Вера Самсоновна?

Свекровь хлопнула ладонью по столу.

— Дурочку передо мной не валяй — не заслужила! Это он, мой сын, — дурачок. Ничего не замечает. Мужики вообще замечают последними! А меня не обманешь. Или ты отказываешь мне в разуме?

Кира молчала, опустив голову.

— Я все поняла давно, еще полгода назад. По твоим сумасшедшим глазам, по дурацкой улыбочке — все мы становимся дурочками, когда... — Свекровь горестно махнула рукой. — Я бы тебя поняла, если бы не была его матерью. Поняла бы и поддержала — все в жизни бывает, что уж тут. Порадовалась, скорее всего, — вон как тебя понесло! Любовь, не иначе — глаз горит, щеки алеют. Волосы вьются. Но, Кира, я его мать! И стоять буду за него — это ты, надеюсь, понимаешь!

Кира кивнула. Помолчали. Кира по-прежнему не поднимала глаз.

— Ладно, — прихлопнула ладонью по столу Вера Самсоновна. — Я все поняла. Значит, ты уже решила. Уговаривать тебя не буду, останавливать тоже. Твое решение и твоя жизнь. Сына поддержи — ему будет трудно. Да ничего, отболит,

в молодости все быстро проходит. Слава богу, с детьми вы не успели. Вот это бы было для меня уж точно катастрофой. Все, Кира. Иди. Иди, пакуй вещи. Ты, кажется, почти собралась? И да! — выкрикнула она ей вслед. — А зачем ты вообще за него шла? Ты же его не любила!

О господи! Значит, Вера все понимала? И видела ее чемодан? Ну конечно! Она не была любопытной и бестактной тоже. К ним в комнату лишний раз никогда не заходила, а тут, наверное, заглянула по делу. Да какая разница?

Кира обернулась и чуть слышно пробормотала:

— Простите меня.

— Бог простит, — сухо откликнулась почти бывшая свекровь.

По всему выходило, что уходить надо было сегодня. Да, да, быстро покончить со сборами и уйти. А объяснение с мужем? В конце концов, он ничем ее не обидел — за что же с ним так?

Кира села на край бывшей супружеской кровати и замерла. Что делать? Ждать Володю? Глянула на часы — до его прихода с работы оставалось четыре часа. Невыносимо сидеть в этой комнате и ждать. Уйти из дома? Да, выход. Пойти в кино или пройтись по магазинам. Голгофа отодвигалась. После разговора с Верой ей стало легче. Она быстро оделась и с облегчением выскочила из квартиры.

Вернулась к семи — Володя ужинал на кухне. Свекровь смотрела у себя телевизор.

Разделась, зашла в кухню.

— Володя!

Он поднял на нее глаза.

Молчал. По его глазам поняла — Вера уже ему рассказала. Ну что ж, стало быть, объяснение отменяется. Уже хорошо.

— Володя, — повторила Кира, — я...

Он кивнул и отложил вилку. В тарелке остывала картошка. Кира сглотнула слюну — вспомнила, что с утра ничего не ела, ни крошки.

Он внимательно и выжидающе, даже с интересом, разглядывал свою жену.

— Я тебя внимательно слушаю, — наконец сказал он.

И эта спокойная, холодная фраза окончательно выбила Киру из колеи. Она разрыдалась — громко, бурно, с истерическими нотками, так несвойственными ей.

Володя все так же сидел напротив, уронив в руки голову, молчал. Потом не выдержал:

— Все, Кира, хватит. Решила — значит, так тому и быть. Останавливать и держать тебя не буду. Знаю, что ты человек разумный и с кондачка решений не принимаешь. Когда ты уходишь? Сегодня?

Растерянная Кира неуверенно забормотала какую-то глупость:

— Да, если надо, конечно, сегодня!

Он усмехнулся:

— Надо? Кому, извини? Мне — точно не надо. — И быстро вышел из кухни.

Просидев минут десять в полнейшем бессилии, она поднялась и пошла в комнату. Муж лежал на диване и читал книгу.

Кира вытащила из-под кровати чемодан, достала из шкафа сумку с мелочами и посмотрела на мужа.

— Ну я пошла? — неуверенно сказала она.

Он отложил книгу и кивнул:

— Да, разумеется. Удачи тебе!

— И тебе, — прошептала Кира. — И еще раз прости, что так получилось.

Не глядя на Володю, она быстро вышла из комнаты. У входной двери услышала что-то подобное рыку. Или стону. Или... Это было нечеловеческим звуком. Сердце оборвалось. В комнату к свекрови зайти не решилась.

Выйдя на лестничную площадку, услышала крик Веры Самсоновны:

— Сыночек!

Слышать остальное было невозможно — она схватила сумку и чемодан и, не дожидаясь лифта, бросилась вниз по лестнице. Чувствовала себя при этом преступницей. Нет, даже не так — убийцей.

От дома бежала, как от чумного барака. А когда устала и остановилась, поняла, что не знает, куда идти. Позвонить Мишке? Нет, невозможно — трубку может снять жена, что тогда? Да и к чему дергать его поздним вечером, что изменится? Села на скамейку и снова разревелась. Ну и поехала в отчий дом, в Жуковский. А куда деваться?

В электричке тряслась как осиновый лист — теперь предстояло еще и объяснение с родителями. А это куда хуже, чем объяснение с мужем и свекровью — точнее, бывшим мужем и бывшей свекровью.

Отец, военный человек, привыкший к режиму, уже спал — ложился он рано. А мама уже на пороге, внимательно глядя на дочь, сразу все поняла, но задала вопрос, еще предполагавший надежду:

— Поссорились с Вовой?

Кира зашла в квартиру, сняла плащ и туфли.

— Мам! Можно чаю и бутерброд? Очень хочется есть. И еще — если можно — давай не сегодня? — почти взмолилась она. — Пожалуйста!

Мать погрела ужин — макароны, тушеное мясо. Поставила на стол квашеную капусту:

— Ешь, витамины.

Кира ела молча и жадно и на мать не смотрела. Удивилась своему аппетиту — ну надо же, а?

— Чаю, мам! Если нетрудно.

Молча выпили чаю.

— Кира! — наконец сказала мать. — Вот как мне сегодня спать ночью? С какими мыслями, дочь? Что думать, когда я вообще ничего не знаю? А мне, между прочим, завтра работать! Не молчи! Я же чувствую — что-то серьезное! Не просто поцапались, да?

— Не просто, — кивнула измученная Кира. — Если бы просто поцапались, мам... Ты же знаешь, мы почти не ругались. И уж не скандалили точно, Вовка человек спокойный и неконфликтный. Только я его не люблю! Разлюбила. Хотя нет, не любила никогда. И это сейчас, точнее, почти два года назад, я поняла. Так поняла, мама, что жить вместе уже невозможно. Невыносимо, мамочка! Все невыносимо — слушать его голос, есть за одним столом. Спать с ним, мам! Извини.

— Что же делать, Кира? Такой был удачный брак! И папа...

— Что — папа? — взорвалась Кира. — Это моя жизнь, правда? Или мне слушаться папу? Я, кажется, большая девочка и сама вправе...

— Оставь, Кира! — перебила мать. — Ты ж его знаешь. Без бури не обойдется. Ну что поделать — переживем.

Мать было жалко. Она искренне любила зятя, ценила его и считала, что дочери крупно повезло: приличная семья, хорошая свекровь, квартира в Москве. Нормальная жизнь. Они были спокойны за Киру. И конечно, очень ждали внуков — пора, дочери уже к тридцати — что они медлят?

Кира никогда не жаловалась родителям на мужа. И вдруг... Может, они чего-то не знают? Надо дожить до утра. Хотя Кира

молчунья, скрытница — в отца. Да и разговоры по душам у них как-то не приняты. Но главное, самое страшное для Кириной матери было то, какотреагирует отец. Вот это было самое страшное. Он был гневлив, суров, резок во мнениях. Конечно же, будет скандал. И как они уживутся — отец и дочь? Если бы Кира не вышла замуж и не ушла из дома, эти два строптивца просто сожрали бы друг друга!

Но отец, как ни странно, воспринял новость довольно спокойно:

— Ушла? Ну что же поделывать — ее жизнь. Дура, конечно, что тут сказать. И что теперь? Кто-то есть? Да, скорее всего. Вы, бабы, просто так не уходите. — Сказано это было с презрением.

И мать, и дочь ждали скандала, а получили подобие понимания. Кира с нежностью смотрела на отца, но подойти и обнять духу не хватило — отец презирал «телячьи» нежности.

Правда, через пару дней, будучи не в духе, бросил резко:

— Только не думай, что я тебя поддерживаю! Ничего хорошего в этом нет — ушла, пришла. Сходила замуж, развелась. И выглядишь героиней — вот я какая! А что у тебя дальше? Как-то я не вижу, что ты очень счастлива!

Вот это была чистая правда — спокойнее Кира не стала, да и счастливее тоже. Даже после того, как вышла из загса с заветной и долгожданной зеленой корочкой в руках — свидетельством о разводе. С Володей, кстати, встретились спокойно, как старые и добрые приятели:

— Привет.

— Привет.

— Как дела?

— А у тебя? Как Вера Самсоновна, не хворает?

— Твоими молитвами, — усмехнулся Володя.

И Кира тут же осеклась, замолчала.

Выглядел бывший муж, кстати, неплохо, и через год Кира узнала, что он женился на своей коллеге, Оле Зайцевой. Кира была знакома с ней шапочно, но никак не могла вспомнить ее лицо — как ни старалась.

От родителей она вскоре ушла — все-таки образовалась та комнатка на Плющихе, коллега не обманула. Кира с трепетом зашла с хозяйкой в квартиру — маленькую, двухкомнатную, но при этом коммунальную — во второй комнате жила соседка, одинокая старушка Елена Матвеевна, в прошлом детский врач.

Из окна открывался шикарный вид. Был июнь, бурно цвели тополя, пух залетал в распахнутые окна, стелился по старому рассохшемуся паркету и, как нашкодившая собака, забивался под кресло, диван и устраивался в углах.

Старый диван занимал почти половину комнаты — Кира его не собирала, потому что всегда, каждую минуту, ждала Мишку. Обстановка была незатейливой: журнальный столик, покрытый льняной пестрой скатеркой, торшер, книжный шкаф — на одной полке притулились коричневые керамические болгарские чашки — обливные, блестящие, словно покрытые шоколадной глазурью. И книги, много книг — Золя, Мериме, Мопассан. Видимо, хозяева любили французских классиков.

На маленькой кухоньке уместились два столика, двухконфорочная плита и холодильник — один на двоих. Холодильник принадлежал Кириным хозяевам, но они разрешали им пользоваться Елене Матвеевне.

Старушка — нет, не так: пожилая дама — была тихой, почти незаметной и невероятно деликатной — если слышала, что Кира на кухне, из комнаты не выходила.

Кира даже шутила:

— Елена Матвеевна! У меня ощущение, что я живу в отдельной квартире! И еще я волнуюсь — вы хотя бы давайте понять, что у вас все в порядке!

Чудесная была эта старушка! Сейчас таких нет — все ушли. По выходным — если не было Мишки — Кира покупала торт и приглашала соседку на чаепитие.

Болтали о всякой ерунде: книги, телепередачи, магазины и цены. И ничего о личной жизни — ни слова! Ни словом Елена Матвеевна не обмолвилась, почему одна и что было в ее долгой и наверняка непростой жизни. Чудеса — обычно старики словоохотливы и обожают бросаться в воспоминания.

А позже узнала от своей хозяйки: Елена Матвеевна похоронила всю семью — мужа и двоих детей. Сын, полковник, погиб в Афганистане, а дочку сбила машина.

«Вот и человеческая судьба, — думала Кира. — Вот за что, кто ответит на этот вечный вопрос? Ведь сомнений никаких: Елена Матвеевна — человек замечательный. Скромный, интеллигентный, порядочный. За что же тогда, господи? А я вожусь со своим романом, со своими горестями, как с писаной торбой. И считаю, что ничего драматичнее, чем моя судьба, нет».

Старушку Кира жалела и старалась, как могла, облегчить ее невеселую старость: покупала продукты, ходила в прачечную, в аптеку.

Они стали почти родными людьми — вот как бывает. В хорошую погоду Елена Матвеевна выходила на лавочку — подышать воздухом. Кира поглядывала в окно — сидит, подставив лицо солнцу. Грется. Ну слава богу!

* * *

Мишка приходил почти каждый вечер, точнее, забегал на десять минут, на полчаса, на час — как получалось.

Смущенно, отводя глаза, бросал:

— Мне просто необходимо посмотреть на тебя, нюхнуть твои волосы — и все, можно прожить еще одну ночь и дожить

до утра. Это такая таблетка, спасительный укол, чтобы не помереть.

Нет, приятно, конечно. Но копились, конечно, копились и обида, и раздражение. И даже злость. Она-то смогла! Решилась. Значит, она смелее его? Выходит, он трус?

Мишка ушел из семьи спустя год, когда она почти уже не надеялась, была готова к тому, что он не уйдет, и даже с этим смирилась. Главное — она была свободна! Не надо было врать, прятать глаза, отворачиваться по ночам, сползая на самый край кровати, рискуя упасть. И она была почти счастлива.

Но когда он возник на пороге квартиры — с жалким старым матерчатым чемоданчиком — господи, да где он его взял! — и со своим любимым портфелем, она растерялась и все не могла поверить: «Неужели все, навсегда?» И не ошибась: так все и оказалось — навсегда, на всю оставшуюся жизнь. Пока смерть не разлучит. А та... Разлучила. Правда, выделила им почти двадцать лет счастья. Абсолютного счастья — без всяких «но» и многоточий. И это несмотря на все тяготы, лишения, неприкаянность.

Но разлучила — как бывает всегда. Как же рано, как невыносимо рано ушел ее Мишка! Как она кляла тогда судьбу, проклинала бога! А зря — двадцать лет счастья, знаете ли. Не все могут похвастаться. Им и так был сделан подарок — невозможно щедрый, невысказанный — их встреча и вся совместная жизнь, такая долгая и такая короткая.

Впрочем, они всегда были жадными — им всегда было мало, всегда не хватало времени, чтобы надышаться друг другом, наговориться, послушаться. Просто быть рядом.

Тогда, на Плющихе, у них появился собственный угол. Нет, не так — у них появился роскошный дворец, туго набитый сокровищами. Сундуки с золотом и драгоценными камнями они открывали каждый день и ослеплялись их светом. Нет, прав-

да — каждый день, каждый час и каждая минута были наполнены счастьем — таким ярким, ошарашивающим, о котором они и не догадывались.

И еще было страшно — а вдруг? Так же не бывает, не может быть, чтобы все совпадало, все, от мелочей до самого важного.

Никому — ни матери, ни отцу, ни жалкой кучке тут же забытых без сожаления подруг — она ничего не рассказывала: боялась сглазить.

А однажды мать со вздохом сказала, пристально поглядев на нее, как всегда, заскочившую накоротко, на час (Мам! Я спешу! Мишка с работы вернется!):

— Ох, пропадешь ты, Кирка! Пропадешь ни за грош! Тебя же бьет как в лихорадке, ну посмотри на себя! Так не живут, Кира! Так может быть месяц, полгода. Ну в крайнем случае — год. А потом просто не выживают после такого.

Кира удивилась. Глупость какая! Что получается? Быть счастливой нельзя? Запрещено законом природы? А для чего тогда рожден человек? Для слез и страданий? Спасибо, она сполна нарыдалась. Нет, глупости! И она опровергнет всю эту чушь! А для чего тогда люди встречаются, ищут друг друга всю жизнь и наконец находят? Она долго рассматривала себя в зеркало, пытаясь понять, что там увидела мать. Да, кажется, ничего особенного. Ну да, глаз блестит. Посвежела, зарумянилась кожа. Волосы, пышные и пушистые от природы, распушились еще больше. Еще похудела, и походка стала другой, какой-то свободной. Но замечала — мужики оборачиваются вслед. Что так испугало мать? Нет, непонятно. Все это глупости, материнские страхи.

Отец, кстати, Мишку принял спокойно — душу не открывал, проникновенных бесед не вел. Так, сели за стол, открыли бутылку коньяка, да и ту не допили — отец из-за

возраста, Мишка вообще пил неохотно и мало, как говорил, для аппетита. Да и к еде он был довольно равнодушен, что очень облегчало Кирину жизнь. А мать, кажется, тогда обиделась — как это так? Новый зять не оценил фирменный холодец, и вправду всегда удававшийся ей: светло-желтый, прозрачный, средней крепости. И пирожкам ее не подивился — тоже коронное блюдо. Не восхитился наполеоном. Так, пожевал и кивнул:

— Вкусно, спасибо.

Вяленько как-то, без особого энтузиазма. Тут же, конечно, вспомнился первый зятек, Володечка. Вот кто любил ее холодец и пирожки! Вот кто ел с удовольствием и не скупился на похвалу!

Вспомнила и взгрустнула: «Ох, что-то не так в этом Мише. Станный он — сложный какой-то. Не очень понятный. И что у него в голове? И что еще придет на ум? Чует материнское сердце — выкинет еще что-то, обязательно выкинет! И втянет туда нашу дуру — вот уж не сомневайтесь! Правда, ее и втягивать не надо — гуськом потянется, паровозом пойдет. Без уговоров. Потому что рехнулась, свихнулась от этой любви — это же очевидно! А страсти, как известно, до добра не доводят». Хотя что Кирина мать знала о страстях? В восемнадцать выскочила замуж за молодого лейтенантика и прожила с ним всю жизнь. И совсем неплохо, кстати, прожила — всем бы так. Многие ей завидовали: сестры, подруги, не у всех ведь сложилось. Да, разумеется, просто не было. Это когда появилась квартира в Жуковском! После сорока. А до того были и дальние гарнизоны в тайге, и военный городок в Азербайджане, под Кировабадом. Вот там пострадались! Жара, пыль, в магазинах ни мяса, ни молока — все на базаре. А откуда у них деньги на базар? Только для ребенка — винограда веточку, кураги горсточку, мяса кусочек. Сначала их поселили возле аэродрома

в так называемой гостинице. Мест, как всегда, не было — дали комнатку, где хранились поломанные кровати и списанные матрасы. Там и устроились. Ничего, как-нибудь. Комнату в городке — в ДОСе, доме офицерского состава — дали почти через год. Уж получше гостиницы, но вода по часам — утром и вечером. Набирали полные ведра — как ребенка помыть? Правда, за комнату надлежало платить — девяносто рубликов в месяц. А зарплата у мужа была сто шестьдесят! Вот и попробуй прожить на семьдесят! Да еще и с ребенком! Но выживали. Вспоминала с горестью, как Костя, муж, приносил из офицерской столовки котлету — серую котлету на куске подмокшего хлеба. И с какой жадностью она ее съедала! И не было ничего вкуснее... Учительствовать там было негде — местных учителей было некуда девать. Устроилась хронометристом, и это была удача. Считала налеты, урсы и шторы. Но мечтали скорее уехать — к местному климату так и не привыкли. Да и Кира все время маялась животом. Все дети маялись — дурная вода, зеленые фрукты. Помнила, как уже тогда, в те, казалось, спокойные годы, на окраине города дрались армяне с азербайджанцами — насмерть дрались. Потом была Кема в Вологодской области, следующей — Чугуевка в Приморье, здесь уже было полегче.

Комнату дали сразу, в комнате печка — тепло. Но холода они не боялись — после Кировабада боялись жары. Маленький домик на две семьи, общая кухня. Женщины держали кур и вечно скандалили на эту тему — моя, не моя. А потом пометили разноцветной краской — зеленой, синей, красной. И скандалы закончились. Помнила, как однажды, муж был в командировке, ночью услышала тяжелый стук в дверь. Не встала и не открыла — испугалась до холодного пота. Так и продрожала всю ночь до рассвета. А потом оказалось — медведь. Огромный медведь-шатун. Спасли ставни на окнах.

Глупые мужики притащили из тайги медвежонка — маленького, пушистого симпатягу. Жены ругались, а те говорили, что детям на развлечение. Соорудили клетку, и медведик зажил. Детишкам, конечно, забава. А потом медведик подрос и стал порывивать на старых друзей. А в Новый год пьяная компания пришла навестить медведика. Ну и оторвал он кусок нового пальто у майоровой жены. Та села в снег и давай рыдать! Пальто было жалко, конечно. А вредную бабу — не очень. Потом мишку отдали в зоопарк, и дети ревели, провожая его на пристани, — в новую жизнь медведика увозили на пароходике.

Ладно, не про это, не о бытовых трудностях. Она задумалась: какие у них с мужем были отношения? Да нет, все было нормально. Без особых эксцессов. Жили как все. Ссорились, конечно. А как же? Мирились — тоже как все. Обсуждали домашние проблемы — что купить, как скопить, куда поехать в отпуск. Все как у нормальных людей. А что о жизни не говорили, о чувствах своих, не обсуждали *ничего такого*... Так это же правильно. Так их воспитывали. Так было у их родителей. Так было у всех.

Ну уж, во всяком случае, глаза у них не сверкали, и температура от этой вашей любви и страстей не кипела, не поднималась. Да и слава богу! И еще слава богу, что все *остальное* уже в прошлом. Нет, не то чтобы это ей было совсем не нужно... А вот закончилось с возрастом — и хорошо, как гора с плеч. Кончились строгие обязательства, негласный договор, обязывающий идти мужу навстречу, часто против желания.

Кирина мать искренне не понимала — во имя чего копыта ломать? Да что такого необычного в этом обыденном деле? Получалось, что-то прошло мимо нее? Да и бог с ним — многое прошло мимо. Вся жизнь. Пролетела, прошелестела, проскочила, как вор в подворотне — едва зацепив плечом. Вроде

все было нормально — хороший и негулящий муж, нормальная дочь. Работа, квартира. Участок в четыре сотки — не участок, огород. Но и это счастье и радость. Только хорошо это или не очень — то, что *это* ни разу ее не коснулось? Пронесло или обделили?

В конце концов она решила, что нечего вспоминать — все как у всех. Нормально они прожили. Потому что не знали, как можно прожить иначе.

А Кира? Вот дурочка! Аж дрожит. Прямо трясет ее от этого Мишки. И чем он ее взял? Непонятно. Мужик как мужик, даже вполне средненький — среднего роста, обычной комплекции. Никаких там атлетических плеч и мускулистого торса. И лицо обыкновенное — нет, неплохое лицо. Глаза хорошие — ясные, разумные. Спокойные. Нос, рот — да все самое обычное. Кстати, Володя, бывший ее, был куда интереснее! И повыше, и поплечистее. Да и вообще симпатичный был парень, приятный. Как они радовались с отцом! А вот пошло ж эту дуру!

* * *

Кире и Мишке даже на день расставаться было ужасно. Утром прощались, как навсегда, не могли расцепиться. Он уходил на полчаса раньше, а Кира стояла у окна — сначала махала ему, а потом, когда он скрывался за поворотом, все продолжала стоять — как в ступоре. Как будто ждала, что он вернется. Нет, точно — дура.

Потом она стряхивала с себя морок и быстро, кое-как, красила глаза, одевалась и выскакивала на улицу и, как обычно, опаздывала. Минут на пятнадцать уж точно. На работе смотрела на часы — когда же закончится эта мука? Мука, естественно, заканчивалась, и она первая, стремглав, выбегала из комнаты. Мужики посмеивались, а женщины судачили, что,

дескать, ничего, пройдет. Молодожены — им положено, знаете ли. Но все же немного завидовали.

Самыми сладкими днями были выходные. В субботу подолгу спали, тесно, до перехвата дыхания, прижавшись друг к другу. Даже поворачивались с боку на бок одновременно, боясь на минуту потерять телесный контакт.

Первой вставала Кира — шла готовить обильный завтрак: кастрюлю вареной картошки с селедкой. Завтрак выходного дня — так это у них называлось. Конечно, кофе — большой кофейник кофе, который с удовольствием выпивался до дна.

Ну а потом снова в кровать — вот оно, счастье! И никуда не надо спешить, никуда! Валялись целый день: спали, болтали, читали, дремали.

А вечером выходили. Билеты в театр? Красота. В кино? Здорово. А можно просто погулять по улицам — поехать в центр и гулять там до бесконечности! Как они любили этот город! Больше всего Замоскворечье, с его узкими и уютными улочками, маленькими купеческими особнячками, с духом настоящей Москвы. А после прогулки покупали бутылку сухого вина, маленький торт и спешили домой — продолжить свой праздник.

А вот в воскресенье было уже не так весело — Миша встречался с дочкой. Кире, кстати, поехать с ними никогда не предлагал. Она не обижалась — в конце концов, это их дело и их отношения. Имеют право побыть вдвоем. Да и у нее находились дела: глажка, стирка, готовка, магазины, рынок или поездка в Жуковский. Очень редко, примерно раз в три месяца, она встречалась с Маринкой, школьной подружкой. Та была женой военного и жила в Балашихе. Простоватая, немного наивная, но добрая и хлебосольная Маринка всегда мечтала выйти за офицера.

— Они мне понятны, — говорила она. — Они же все похожи, Кирка! Привычки, запросы — близнецы-братья. Профессия накладывает отпечаток.

— Не знаю, — смеялась Кира, — опыта нет!

Хотя Кира, как и Маринка, была дочерью военного, городок в Балашихе вызывал у нее смертную тоску. Она и представить себе не могла, как можно жить в замкнутом пространстве среди одних и тех же знакомых лиц — ужас какой! И эти вечные и бесконечные сплетни, разговоры о звездочках и погонах. Зависть и склоки.

Маринкины подружки шастали, как мыши: уйдет одна, тут же придет другая. Двери в квартиру не закрывались — не принято.

Против Лешки, Маринкиного мужа, Кира ничего не имела — нормальный был парень. Да и детей Маринкиных, Димку и Светика, погодок, она обожала.

Маринка мечтала вырваться из общаги и стать генеральской женой: «Ну когда-нибудь, а, Кирка? Дождусь?» Счастье представляла себе так — черная каракулевая шуба до пят, высокая норковая шапка сложного фасона, норки, конечно, побольше, австрийские замшевые сапоги и куча золота в ушах и на пальцах. А в квартире, понятное дело, ковры, чешский хрусталь в полированной горке, а еще финская кухня и голубой унитаз — непременно голубой. Да, самое главное — белая спальня «Людовик»!

— Видела ее? — полушепотом, с придыханием спрашивала Маринка.

— Не-а, — беспечно отвечала Кира. — Ты ж меня знаешь.

— Ну ты даешь! — Маринка явно жалела подругу.

Но вышло все не так — не сбылись Маринкины мечты. Ни одна не сбылась.

Лешку послали в Афган. А через полгода пришел груз двести. Маринка в тридцать пять лет стала вдовой, через семь лет спилась. Не получилось из нее генеральской жены — ни черной «Волги» с водителем, ни норковой шапки, ни богемского хрусталя с наклеенными цветочками. Дружба их с Кирой постепенно затухла еще до всех этих страшных событий, что поделаешь, слишком разными были их жизни.

В основном ходили в гости к Мишкиным друзьям, чаще всего к Зяблику.

* * *

Воскресенье тянулось долго и тягостно. Кира смотрела на часы и ждала вечера. Наконец, услышав щелканье замка, она вздрагивала и кидалась в коридор, и они застывали в объятиях.

Про встречу с дочерью и вообще про бывшую семью Мишка не рассказывал. Да и Кира, если честно, не спрашивала. Во-первых, ее это не очень касалось, а во-вторых, она четко провела демаркационную линию — *та* жизнь осталась в прошлом. А сейчас — жизнь другая, только их. И никаких посторонних — Кира и Мишка. Все.

Его, кажется, это устраивало. Да и ни разу он не предложил ей пригласить к ним дочь. Зачем травмировать ребенка?

С Еленой Матвеевной, дорогой и любимой соседкой, они по-прежнему дружили. Как-то старушка попала в больницу, и Кира провела там безвылазно почти две недели — пришлось взять липовый больничный. А спустя пять дней после выписки старушка скончалась.

Кира позвонила квартирной хозяйке, и та приняла грустную новость как руководство к действию — надлежало срочно перевести соседскую комнату на себя, чтобы туда не въехали новые соседи. Ей это удалось, хотя и не без труда. И, став обладатель-

ницей отдельной двухкомнатной, она, естественно, тут же решила сделать ремонт и сдавать ее уже по совершенно другой цене.

Кира с Мишкой понимали, что им не потянуть. Четырехлетний рай закончился. Тогда вообще все сразу рухнуло. Серьезно заболела Нина, бывшая Мишкина жена. Операцию сделали вовремя, но все понимали — болезнь может вернуться. Дочку отправили к бабушке в деревню. Миша разрывался между работой и поездками к Нине в Институт Герцена, а Кира по вечерам готовила для бывшей соперницы диетическую еду. Хотя какая она соперница? Смешно.

Спустя пару месяцев, когда чуть выдохнули с Ниной, заболел Кирилл отец — прободение язвы. Кира тут же переехала в Жуковский, помогать матери. Оттуда моталась в Москву на работу.

Ну и самое главное — у Мишки в лаборатории начались большие проблемы. Собрались уезжать сразу двое — завлаб Семен Гольдфарб, большой Мишкин друг, и Андрюшка Лазарев, с которым он прятельствовал.

Лена Гальцева, не последний человек в лаборатории, вышла замуж и уходила в декрет. Илья Андреевич, самый древний, по его же словам, сотрудник, решительно собрался на пенсию — нянчить внуков. Мишка оставался один. А это означало, что работа его закончилась — тянуть проект было некому, лабораторию хотели закрыть.

Отъезжающих клеймили по полной программе — общее собрание, лес рук, злобные выкрики: «Государство на вас потратило деньги, а вы» — и все прочее, что прилагалось к этому омерзительному процессу.

Мишка попробовал перейти в другую, смежную, лабораторию. Но под разными предлогами ему отказывали — смотрели как на зачумленного: «А, Немировский! Это оттуда, из пятой?»

Уходить из института было страшно — жить на Кирины копейки? Нет, невозможно. Полгода еще поболтался по родному институту и ушел — дошел до точки, слишком все было обидно и унизительно.

А Семен и Андрюшка писали восторженные письма — Семен из Германии, а Андрюшка из Америки. Устроились ребята быстро, почти сразу. Темой их интересовались и там, и там. Особенно заливался эмоциональный и восторженный Семен: «Ах, оборудование! Ах, возможности! Ах, отношение!» Но в основном он восторгался страной — порядок, чистота, продукты в магазинах.

Мишка зачитывал Кире письма Семена и скептически усмехался. Неужели и вправду рай? Что-то не верилось. А вот когда написал Андрюшка — скупое, но четко и только по делу, он задумался.

Да, тогда все совпало — Нина, Мишкина работа, Кириин отец и потеря комнаты. Куда податься, куда? Еле сводили концы с концами, сэкономили на всем. Приютил их тогда Мишкин приятель Зяблов, к которому они и раньше частенько наведывались в гости. Но они понимали — злоупотреблять зябловским гостеприимством невозможно, неправильно.

Кира к Зяблову относилась скептически, точнее — она его не любила. Почему? Да все понятно — где они и где Зяблик, человек из другого мира, с другой планеты. С другими желаниями, потребностями, возможностями. Представитель золотой молодежи. Веселый бездельник, кутила, эдакий лихой купчина. Она презирала его за излишнюю легковесность, свободу во всем, и в первую очередь в отношении к жизни. Денег ему хватало с избытком, жил он в огромной квартире в самом центре Москвы, в придачу имелась и большущая дача в престижной Апрелевке. Станный и чужой был ей этот Зяблов,

который по воле судьбы оказался старинным и лучшим другом ее Мишки. Чудеса!

Кира с удивлением наблюдала за хозяином квартиры. И вот что интересно: даже когда у него периодически случались затяжные и страстные романы, случайные девы и подруги при этом не заканчивались. Странно, не так ли? И это любовь?

Кира с Мишкой хихикали — зябловские романы были не только страстными, но и непременно трагическими и драматическими. Все не просто, а с вывертами. «Ни одного легкого случая, — шутил Мишка. — Зяблик не ищет легких путей. Видимо, по-другому не возбуждается».

Так и было — и Кира погружалась в перипетии очередного зябликовского романа, словно в интересную книгу или в кино. Вот уж страсти-мордасти! Куда там им с Мишкой!

У Зяблика было прозвище — Коллекционер. Кира смеялась:

— О да! Причем — во всех смыслах! И мебель, и картины, и, конечно же, женщины.

Ну вот, например, Алена. Как она была хороша! Даже Мишка, совсем уж не бабник и не ловелас, увидев ее, замер как вкопанный. Это был тогда еще незнакомый Стране Советов тип женщины — высоченная, на полголовы выше высоких мужчин, ноги, естественно, метра полтора. Роскошная медная грива волос, бледное лицо с узкими скулами. Это сейчас такой тип женщин не только моден, но и распространен. А тогда Алена выглядела инопланетянкой, случайно залетевшей на грешную планету.

Алена почти все время молчала — образ или дура? Вопрос. Закинув свою невероятную ногу, она томно закуривала длинную, с мундштуком, сигарету, изящно держа в тонких, длинных пальцах бокал с коньяком. На нее приходили смотреть, как на диковину.

В зябловской квартире она задержалась месяца на четыре. На вопрос Киры: «А где же наша пришелица из других миров?» Зяблик вяло ответил: «Да замуж вышла и в Штаты махнула. Замуж очень рвалась, понимаешь?»

Была еще грузинская красавица Тамара — дочь какого-то высокопоставленного человека. Приезжала Царица Тамара на «Чайке». Вернее, ее привозили, и водитель открывал перед ней дверцу.

Тамара была красива жгучей, яркой и немного душной грузинской красотой — настоящая пери.

Она любила рестораны с очень громкой музыкой, обожала танцевать. Нраву была странного, истерического — то громко смеялась, то бурно рыдала. Наверняка у красавицы имелись проблемы с психикой. Зяблик был ею увлечен, но тоже недолго, через пару месяцев стал Тамарой тяготиться. И повезло ведь — приехал отец из Тбилиси и увез экспансивную дочь.

Была еще Лили, болгарка — улыбчивая, милая, стриженная под мальчика, с мальчиковой фигуркой и очень красивыми ногами. Лили пыталась со всеми дружить, надеясь таким образом привязать к себе Зяблика. Бедная девочка — ничего у нее не получилось, Зяблик быстро остыл.

Словом, хоровод этих зябловских баб, этих невозможных красоток, не кончался никогда. Он любил произвести впечатление — явиться, например, с новой сногсшибательной подружкой в Дом кино или в Дом журналиста. Ну а там, в ресторане, гульнуть по полной — с коньяками и винами, с черной икрой и балыками. С размахом и помпой — загулявший купчина. Противно.

Кира удивлялась и тормошила мужа, пытаясь разобраться: Мишка и Зяблик — как могут они быть близкими, самыми близкими друзьями? Ее бессребреник, скромняга и тудяга

Немировский и этот Зяблов — невероятный модник, отчаянный бонвиван, московский мажор, по сути, бездельник, нарцисс и хвастун. Как? А вот так! Мишка говорил, что все мы из детства. Зяблик — друг со школьной скамьи, с первого класса. Ну и дальше, всю жизнь. «Разные? Ну да. А что тут такого? Мы понимаем друг друга с полуслова. Мы как близнецы. А то, что разные интересы... Иногда людей объединяют не интересы, а взаимная симпатия и доверие».

Кира с Мишкой даже в тот непростой период почти не ссорились, хотя их бесприютная кочевая жизнь здоровых нервов и настроения не прибавляла — Кира стала часто срываться. Ну скажите на милость, какая женщина, пусть даже исполненная самой жаркой благодарности за приют, даже самая неприятная и спокойная, выдержит бесконечную круговерть посторонних баб, толпы друзей, бурные сборища и постоянные гулянки и пьянки? Мишка тоже не высыпался, хотя и участие в зябловских загулах почти не принимал: так, посидит с часок — и к себе в «норку», как они называли выделенный щедрым хозяином уголок.

Кира уставала и от бесконечного мытья посуды, уборки кухни и столовой — ну не ждать же домработницу, ей-богу! Принималась опустошать переполненные окурками пепельницы и очищать грязные тарелки — с утра будет невыносимая вонь.

Дальше так было невозможно, надо было что-то предпринимать. Она перестала спать по ночам — мысли терзали, как голодные волки. Деньги, деньги, будь они неладны! Как всегда, все упирается в них! Дурацкая, мерзкая и унижительная субстанция эти деньги. Но без них никуда... Чужой угол, где они приживалы. Но самое главное — муж без работы. Кира понимала — он пропадает и скоро совсем пропадет.

Наконец не выдержала и твердо сказала:

— Миш, надо устраиваться на работу. Хоть куда — все равно. Иначе ты чокнешься.

Он не обиделся, но страшно смутился и сжался в комок:

— Куда, Кира? Ты же видишь — все мои поиски тщетны, бесплодны.

— Да хотя бы в школу учителем физики — какая разница?

В школу. С его талантом. Со степенью. После его лаборатории. Еще одно унижение.

Ей было невыносимо жалко Мишку, а что делать? Чувствовала: еще немного — и он свихнется.

В школу взяли — правда, черт-те куда, в Ясенево. Директриса оказалась нормальным человеком, не побоялась взять не учителя, а ученого — тогда это не приветствовалось. Но с учителями была беда — район новый, школы полупустые, мало учеников, не хватает учителей. Ездить из центра до этих хмурых и продуваемых выселок было непросто — автобусы от метро ходили редко.

Она видела, что эта работа не только не ободрила Мишку, но усугубила его транс и тоску — он совсем замкнулся, почти не разговаривал — ни с ней, ни с Зябловым. И на кухню по вечерам не выходил — валялся на диване в «норке» и что-то читал.

— Увольняйся, — твердила Кира. — Проживем как-нибудь!

Мишка хмыкал и отворачивался к стенке. Молчал. Однажды горестно бросил:

— На что уходит моя жизнь, Кира! На что?

Она увидела его глаза и испугалась. Нет, надо срочно что-то менять!

Однажды, когда у Зяблика шла очередная гульба — стены дрожали, — Кира не выдержала:

— Миша! Я больше тут не могу! Все, сил больше нет. Давай съедем, а? Мне все равно куда. Только чтобы была тишина

на, понимаешь? Я устала от всего этого. Устала от своих мигреней и бессонных ночей.

Мишка повернулся и посмотрел на нее:

— Есть предложения? Я готов выслушать.

Вот этот тон, эти слова ее окончательно взбесили.

— А ты квартиру разменяй! Свою квартиру! Две комнаты, центр. Спокойно меняется на однокомнатную и комнату в коммуналке — я узнавала.

— Узнавала? — Мишка перебил ее и привстал на локте. — Ну надо же, какая прыть, Кира! И какая осведомленность! Признаться, не ожидал! И что, есть варианты?

Она испугалась его сарказма и совсем сникла. Что-то зашептала, мол, никаких вариантов. Подробно не узнавала. Так, подумала просто...

Он резко встал с дивана.

— Так вот, Кира. — Он замолчал, а она съежилась, жалась в комок, ей захотелось исчезнуть, испариться. — Я попрошу тебя никогда — слышишь? — не заводить разговор на эту тему! Я оставил квартиру дочери. И жене. У нее, как тебе известно, в Москве площади нет. Я — прости — поломал, испортил им жизнь. Уж Нине — точно. К тому же Катя растет. А у Нины есть шансы как-то устроить личную жизнь, чему я был бы отчаянно рад. — Его лицо искривила болезненная гримаса, и он вышел из комнаты. На пороге обернулся: — Не думал, что ты когда-нибудь заговоришь об этом.

Кире стало страшно. Ужасно. Все это было ужасно. Стыд, кошмарный стыд. Зачем? Зачем она затеяла этот ужасный разговор? Ведь понимала же, понимала — по-другому и быть не может! Это Мишка! Разве он может иначе? Эта его вечная вина перед бывшей женой и безграничная тоска по дочери. «Господи! Какая же я дура, — твердила перепуганная Кира. — А вдруг он уйдет от меня? Сама все перечеркнула, все

испоганила! Идиотка и сволочь!» Ревела от стыда, от страха а потом стала себя успокаивать: «Да что тут такого, в конце концов? Подумайте, какое благородство! А за чей, простите, счет? Вот именно, за мой! Ах, чувство вины! Подумаешь! А у меня нет чувства вины? Перед Володей, перед Верой Самсоновой? Не я ли нанесла им, замечательным людям, предательский, подлый удар в спину? И за что? За любовь и ласку? Вот именно.

Можно подумать, только ему стыдно и страшно! Только ему горько и плохо.

А мои родители? Им было просто? Они не переживали, не волновались? А как они любили Володю! А как дружили со сватьей!

Да что я такого сказала, что потребовала? Бриллианты и норковые шубы? Машину или виллу на море? Просто я тоже хочу нормальной жизни — это что, преступление? Своего угла хочу. Своих кастрюль и сковородок. Своего, а не зябловского, постельного белья. И ребенка. Мне, в конце концов, уже тридцать пять — не пора ли? И, между прочим, именно он должен решать такие проблемы, а не жить примаком у старого друга в «норке», не прятаться от проблем и от жизни вообще. И сколько это будет еще продолжаться? Ответа нет. Потому, что самое простое — обвинить другого. И оправдать себя, назначить себя благородным, меня записать в сволочи. Только бы подумал — за чей счет это его благородство? Вот именно, за мой».

Это был их первый серьезный раздор. Кира даже подумывала уйти из зябловской квартиры. Но куда?

Три дня он молчал и на нее не смотрел. Презирал? Ее это еще больше задело. «Ну и подумаешь! Все, съезжаю к своим. А ты оставайся со своим святым ликом и со своим презрением. Мне уже почти все равно, потому что обидел, сильно обидел».

Сора была в среду, а в субботу она поехала в Жуковский. Написала записку: «Останусь ночевать». В ночь с субботы на воскресенье уже поняла — жизнь без Мишки ей попросту не нужна. Еле дождалась вечера воскресенья — скорее к нему! И наплевать на его презрение, на его тон, на его мнение о ней! Наплевать. Ей надо одно — поскорее увидеть его, обнять, прижаться. Уткнуться в его шею. Услышать его запах. Провести ладонью по шершавой небритой щеке. Дотронуться до его губ, глаз, бровей. И прошептать ему, наплевав на гордость и вообще на все: «Мишка, я без тебя не могу! Прости меня. Прости, прости. Я — полная дура. Только прости ради бога — я умираю!» — но это уже про себя.

И наплевать, если после этого унижительного собачьего скулежа он презирает ее еще больше — да пусть, ради бога! Ей нужно одно — чтобы не выгнал, чтобы простил. Чтобы они были вместе, как раньше.

Кира торопливо простилась с родителями, схватила полную, неподъемную сумку, набитую матерью: курица, пирожки, половина медового торта. Спорить, как обычно, не стала. Надела пальто, сапоги, кое-как повязала платок и почти скатилась по лестнице. Скорее в Москву! Как он там, господи? Неужели за это, за эту чушь, за эту бабью глупость, можно вот так взять и разлюбить? О господи, нет! Внизу, у двери парадной, вздрогнула и отшатнулась — темная мужская фигура маячила у двери. А через минуту дошло: Мишка! Господи, Мишка! Он приехал за ней! Значит, он не бросил ее? По-прежнему любит?

Она ткнулась ему в плечо, в мягкую и влажную ткань куртки.

— Мишка, Мишка, — зашептала она, — как я соскучилась, господи!

Платок сполз, и он гладил ее по волосам и тоже бормотал:

— Кирка, дурочка! Как я могу бросить тебя? Как могу разлюбить? Ты — вся моя жизнь, Кирка! Вся моя жизнь.

В электричке она, измученная своими страданиями и чувством вины, обессиленная, как после тяжелой работы, тут же уснула на Мишином плече. И ей было все равно, куда они едут — к Зяблику? Да пожалуйста! Хоть куда — на вокзал, на чердак, на помойку, лишь бы с ним, лишь бы был рядом Мишка. Ее любимый — на всю жизнь.

* * *

С работы Мишка уволился. Точнее — его попросили. Случился конфликт с одной важной мамашей по поводу двойки в четверти у ее ленивого отпрыска. Директриса, страшно смущаясь, попросила его написать заявление: «Дама эта — скандалистка отменная, профессиональная. Дойдет до министра образования, не сомневайтесь! Простите и войдите в мое положение!» Подробностей Кира не помнила, но очень обрадовалась, что так вышло.

Вот интересно — когда, казалось бы, уже полный тупик и безнадега, щедрая и мудрая жизнь выкидывает, как карту, как козырного туза, неожиданный выход. Так и вышло — на следующий день — в буквальном смысле слова — позвонила Кирина сослуживица и предложила дачу своей знакомой. Совсем рядом с Москвой, двадцать километров по Белорусской дороге, поселок Жаворонки.

— Известный кооператив музыкантов, все люди не то что приличные, а очень приличные — интеллигенция, — возбужденно тараторила сослуживица. — Знаешь, кто там обитает? Не знаешь? Ну, например, Пахмутова с Добронравовым! Окуджава! Сличенко, представь! Ну, как тебе, а?

Растерянная Кира вымолвила скупое «угу».

— Теплый зимний дом со всеми удобствами, — продолжала та. — Туалет в доме, ванная, сдает за копейки — десять рублей в месяц! Зачем ей это? Да охранять! Воруют, гады, — залезают в дома, сжирают консервы, крупы. Живут даже, ночуют! Вот сволочи, представляешь? Но и это не самое страшное — могут и поджечь! Уже сожгли два дома на соседней улице. Так вот, она всех спрашивает — есть ли приличные люди, интеллигентные, хорошо знакомые, которым можно доверять? Словом, свои. Ну я и подсуетилась — сказала, есть! Да еще какие приличные! Порядочные, интеллигентные, и им можно доверять! Ну, как тебе, а? Поедешь смотреть? Да, на работу добираться на электричке — а как ты хотела? За такие копейки в Москве не то что квартиру — комнату не найдешь! А там — воздух, лес, тишина! И удобства, Кира! Удобства!

Еле дотерпели до выходных и в субботу поехали смотреть. Да Кира бы и не смотрела — ее все устраивало заранее. Лишь бы сбежать, съехать от Зяблова в тишину и покой. Но все же поехали. С хозяйкой встретились на Белорусском.

Ехали недолго, около получаса. Вышли на платформе и обомлели — красота! Какая же красота! И какая тишина — просто звенит в ушах! Накануне выпал снежок — в Москве, конечно, он сразу растаял. А здесь лежал — свежий, первозданный, белоснежный.

К дому шли по узкой лесной тропинке. По бокам стояли огромные припорошенные темные ели.

Шли и переглядывались. Ох, только бы сговориться! Только бы хозяйка не отказала. Кира этого точно не переживет.

Шли минут двадцать и наконец пришли. Домик был небольшой и очень симпатичный. Финский, как гордо сказала хозяйка. Он и вправду не был похож на обычные подмосковные да-

чи — громоздкие, темные, крашенные-перекрашенные, надстроенные и подстроенные.

На довольно большом участке густо росли елки, березы и сосны.

В доме было неожиданно тепло — работало газовое отопление. Кухонька, гостиная и две маленькие, уютные спальни. Все небольшое, но ухоженное и милое.

— Чудо какое! — шепнула Кира мужу. — Тебе нравится?

Он кивнул. Слава богу, сговорились и отдали десятку за первый месяц. Хозяйка дала указания: попросила не топить камин и, отдавая ключи, строго сказала:

— Надеюсь, все будет хорошо!

Они поспешили ее успокоить.

Решили остаться ночевать сразу, в тот же вечер. Им не терпелось поскорее обустроиться в «своем гнездышке», а уж рано утром поехать к Зяблику за вещами.

И этой ночью было снова одно сплошное и бесконечное счастье.

— Как благосклонна к нам судьба! — шептала Кира. — Как щедра на подарки!

— Судьба всегда благосклонна к влюбленным, — усмехнулся муж. — Ты разве не знала?

«Влюбленным, — повторила она про себя и добавила: — И очень счастливым. Как бы не сглазить!»

* * *

Зима в тот год была суровой и снежной — за одну ночь наметало высокие сугробы — ни пройти, ни проехать. В шесть утра Мишка брал лопату и выходил чистить снег.

Кира пила утренний чай и в окно наблюдала за мужем — здесь, в Жаворонках, он немного поправился, и это невзирая на непривычную физическую работу: почистить снег, наколоть

дров для костра, в котором они пекли картошку, сбежать на станцию за хлебом и молоком. Или скорее, так — подрумянился и окреп, подкачал «стариковские» дряблые, как сам говорил, мышцы. «Я же работник умственного труда, все мы такие», — с усмешкой говорил он. По утрам взялся обтираться у крыльца снегом — и его вопли разносились по всей округе.

Расчистив дорожку, он шел провожать Киру до станции. Шли они молча, взявшись за руки и любуясь красотой зимнего леса и чистотой белоснежного, девственного снега, глубоко вдыхая голубой и прозрачный воздух.

В ожидании электрички на перроне Мишка согревал ее озябшие руки и тер красные румяные щеки:

— Матрешка! — смеялся он. — Ну ты просто матрешка, Кирюшка! Такая краснощекая и глупоглазая кукла с кучей секретов внутри.

— Какие секреты, о чем ты? Какие у меня секреты?

Кира садилась в электричку и махала ему рукой. Почему-то сжималось сердце. Муж, самый дорогой, любимый и близкий ей человек, стоял на перроне — худой, сутулый, в нахлобученной по самые глаза старой кроличьей шапке, в тощей куртяшке, под которую уж точно требовалось поддевать парочку старых шерстяных свитеров, в чужих валенках и рукавицах, позаимствованных без всякого, разумеется, спроса у хозяйки, с заиндевелой бородой и бровями. Почему? Что было такого в этой картинке, почему у нее до боли сжималось сердце и накрывала тоска? Все же нормально? Они наконец вместе, и все неприятности, кажется, позади. У них есть свой дом, в конце концов, пусть временный. Живут они по-прежнему в большой любви, нежности, страсти, если хотите, и уж точно — в понимании. У них так все хорошо, что даже становится страшно.

Да, денег, конечно, не хватает. И это очень мягко сказано, если честно. Ее пустяковая зарплата — копейки. А еще пла-

та за дом и электричество. Да, она мерзнет в старом пальто, отлично понимая, что о новом не следует и мечтать. Да, она четыре раза чинила сапоги, а они, сволочи, все равно протекают. Да, Мишка страшно страдает без своего дела, без науки, без своей разгромленной лаборатории. После писем от Семена и Андрюшки подолгу молчит и курит на крыльце. Она ничего у него не спрашивает — понимает, что ему очень больно и очень обидно. Как понимает и то, что он скучает по дочке и по-прежнему мается виной перед Ниной. Но дочку он, слава богу, видит. А Нина — ну что ж тут поделывать? Кто-то платит всегда. И она, Кира, которая очень счастлива в браке с любимым женщиной, она тоже платит, поверьте! Но плата у всех разная, это правда.

Нет, у них все хорошо — они вместе, и они так любят друг друга. Им так хорошо вдвоем, что никто больше не нужен. Но почему на сердце такая тоска?

На работе она была тиха и задумчива — коллеги и приятельницы удивлялись. А на обеде одна из них спросила:

— Кирка! У тебя что-то не так? Что-то случилось?

Кира вздрогнула и поторопилась успокоить девчонок — стала как будто оправдываться.

Видела, что выглядит все не слишком убедительно — вроде и счастливая, добилась своего, а, выходит, нет счастья на свете?

Вечерами Мишка ее всегда встречал на платформе. И она, видя его нескладную фигуру на перроне, краснела, как девочка: скорее, скорее! Обнять его, взять за руку. Как она соскучилась! А вы говорите — нет в мире счастья. Есть, друзья, есть! Но и тоска на душе не проходит. И никуда она не девается, не исчезает — как ни уговаривай себя, как ни убеждай, что все хорошо... Так же, как и печаль. Выходит, все это — неременное, необходимое сопровождение?

Вечерняя прогулка по зимнему лесу до их избушки взбадривала усталую Киру и немного приводила в порядок. А дома была вообще красота: тепло — к ее приезду Мишка, невзирая на просьбу хозяйки, осторожно, чуть-чуть, подтапливал камин, и в доме вкусно пахло смолой и дровами. Кира огонь обожала. В будние дни на хозяйстве тоже был Мишка, хотя изысков не наблюдалось, но тем не менее под подушкой, заботливо укутанная в два старых махровых полотенца, Киру ждала кастрюлька с горячей картошкой или пшенной кашей. Зажигали свечи и садились ужинать. И снова счастье вливалось в маленькую кухоньку теплым облаком, садилось на спинки кресел, присаживалось на угол стола, повисало на оранжевом абажуре, цеплялось за карниз с занавесками, уютно, как старый домашний кот, укладывалось на вытертый коврик у двери. Счастье было везде — оно было разлито в воздухе, во всем пространстве. И в их измученных и счастливых душах.

И ночью никуда не исчезало — даже наоборот. Но не душило — аккуратно и деликатно окутывало крошечную комнату и обнимало их двоих — осторожно и нежно, словно боясь напугать. Но Кира все равно пугалась — сама не понимая, что ее мучает и что пугает.

Раза два в месяц ездили в город, к Зяблику, на этом настаивал Мишка. Но и Кира не возражала — в конце концов, хоть какое-то развлечение. «Совсем мы с тобой одичали в наших лесах». Там все было по-прежнему — Зяблик курил сигару, выпуская густое и ароматное облако, пил неразбавленный виски, шелкал орехи и слушал музыку — джаз, блюз. Пижон! Нет, Кира прекрасно понимала, что музыка замечательная, тонкая, щемящая. И все же очень печальная, даже тоскливая. На ее настроение — в самый раз. Оглядывая гостей Зяблика, она, конечно, понимала, как отличается от всех этих женщин — модных, дорого одетых, ухоженных, ярких,

красивых. Очень уверенных женщин — куда ей до них! Маникюр и стрижки, обувь и сумочки, косметика и духи. Шубки и сапожки. И она — в своей перелицованной юбке и кофточке с катышками.

«Нет, я конченная дура! — укоряла она себя. — Я же все про них понимаю, откуда и что». И все равно было неприятно — и стыдно, и неловко, и немного обидно. Она ловила на себе и муже удивленные взгляды гостей хозяина — уж очень они отличались от постоянной публики, торчавшей в Зябликовой квартире. Впрочем, особенно они никого не интересовали. В конце концов, в знаменитой квартире всегда было полно разного народу — и известные художники, и знаменитые артисты, и дипломаты из разных стран. И юные балеринки, порхающие пугливыми стайками. И валютные проститутки, и тайные миллионеры, и фарцовщики, и богатые детки известных родителей. Врачи и даже один генерал из органов — вот все тогда удивились!

— Нужный человек? — недобро усмехнулась Кира.

Мишка пожал плечами — он не любил, когда она подсмеивалась над его лучшим другом:

— Значит, так надо.

Вот и весь ответ.

Зяблик ставил итальянское кино, щедро накрывал столы — впрочем, как всегда. Человеком он был нежадным, это уж точно. Разливал французский коньяк и итальянские вина, потчевал шатию-братию севрюжкой икоркой и югославской ветчиной. Словом, гуляли. От выпитого и накуренного у Киры начинала болеть голова, и она шепотом принималась упрашивать мужа поскорее уйти. Мишка злился, а она, чувствуя себя виноватой, искренне не понимала:

— Ну что тут интересного? Ну что, ты не видел всех этих пижонов, центровых продажных баб и спекулянтов? Ты

и они — смешно! И еще очень странно! Нет, я искренне не понимаю!

Мишка молчал и нехотя огрызался. В электричке сидели надутые. А выйдя на платформу, Кира брала мужа за руку, и тут же все проходило — как не было. Войдя в дом, вообще все тут же забывали — их милый дом, их любимое гнездышко. И что им, дуракам, еще надо?

Наступила весна, и Кира впала в панику. Когда хозяйка попросит освободить дачу? Та бормотала что-то неопределенное, ссылаясь на дочь и внука, — мол, когда те захотят заехать, одному богу известно. Дочка — самодурка. Что ей в голову вступит? А она бы так и сдавала, будь ее воля — и спокойно, и копеечка капает. Странно и неприятно было зависеть от чужой непонятной воли и от капризов незнакомой им женщины. Кира умоляла хозяйку предупредить хотя бы за пару недель, смущенно объясняя, что деваться им некуда.

Как ни просила, а вышло все по-другому, нехорошо. Хозяйка появилась ранним субботним утром и, пряча глаза, объявила, что съехать им надо немедленно — день-два максимум. Кира расплакалась. Ни Кирино возмущение — договаривались ведь! — ни ее уговоры и просьбы, ни даже призывы к совести не возымели действия. «Дочь — самодурка и стерва, поделаться ничего не могу, да и вообще, у всех свои проблемы». Но уступила и благородно дала на сборы неделю — и на этом спасибо.

Что делать? Опять они выброшены на улицу, в никуда. Опять надо унижаться, торопливо искать выход, понимая, что так быстро он не найдется — вряд ли им снова так повезет. И как не хотелось съезжать! Стоял ранний и теплый апрель, на клумбах распускались фиолетовые и белые крокусы, снег почти растаял, обнажив зеленую траву. Уже пели птицы и хорошо пригревало солнышко. Красота. Но, увы, чужая, не их. Мишка впал в такой транс, что ни Кирины утешения и уго-

воры, ни искренние уговоры Зяблика: «Конечно, приезжайте! О чем ты!» — ничего не работало. Это была депрессия, болезнь пока еще не очень известная и не модная. Он почти ничего не ел, почти не разговаривал, валялся на диване или молча курил на крыльце.

А Кира снова металась — съездила в Банный, бестолково поболталась меж странных и неприятных людей — квартирных маклеров. Вдруг повезет? Не везло. Нет, квартиры сдавались — но цены! Совершенно неподъемные цены, куда им. Решилась и поехала в Жуковский. Прекрасно понимая, что общая жизнь с родителями у них не получится. Но не на вокзал же, ей-богу!

Мать выслушала ее с поджатыми губами и покачала головой:

— Нет, Кира, извини. Мы пожилые люди со своими привычками. Я все вижу наперед — сначала начнется недовольство, причем с обеих сторон. Потом скандалы — ты знаешь отца. Да и я не железная. Нет, дочь. Извини. И потом... — Она повысила голос: — А этот твой? Когда женился, не знал, что гол как сокол? И ты не знала?

Все правильно. Мама, конечно, права. И обижаться нечего — на правду вообще обижаться нечего. Только что делать? Но легко сказать — нечего обижаться! Конечно, обиделась. На всю жизнь. На похоронах матери стояла у гроба, и надо же — вспомнила! В такой момент и вспомнила! Стыдно было перед самой собой — уговаривала себя простить. Кажется, получилось. Тогда получилось. Но эта обида жила в ней долго, много лет. Мужу ничего не сказала — постыдилась. Родители, и не приютили единственную дочь — как о таком рассказать?

Обзвонили и оповестили всех — от хороших приятелей до приятелей приятелей. От близких родственников до дальних.

Кира нашла даже в записной книжке бывших сокурсников. Ни-че-го.

Что делать? Заняла денег и ждала звонка от квартирного маклера. Тот, жуликоватый, похожий на лакея или приказчика — лоснящийся ровный пробор посреди головы и заискивающая улыбка, — обещал что-то придумать, что-нибудь подобрать. Наконец позвонил. Встретились они с ним в Медведкове и поехали смотреть квартиру — черт-те где, у самой Кольцевой. Тряслись на автобусе почти полчаса. Потом минут пятнадцать по жидкой вязущей грязи чапали до дома. В подъезде пахло кошками и мочой. Встали у хлипкой, почти картонной, двери — «приказчик» с пробором ковырял ключом в замке, а она думала: «Зачем здесь замок? Дверь, кажется, можно открыть легким толчком, без особого усилия и напряжения». Кира зашла в квартиру и разревелась. Квартира была абсолютно пустой — ничего! На кухне — плита и мойка, ни стола, ни стула, ни шкафчика. В комнате — два старых одеяла на полу, одна подушка с торчащими перьями и одинокая облезлая табуретка у окна. А как было холодно!

— И как тут жить? — всхлипнула Кира.

«Приказчик» тут же переменялся в лице. Оно стало злым и колючим. Презрительно усмехнулся:

— А вы что хотели за пятнадцать рублей? Окна на Кремль и румынскую мебель? Радуйтесь этому.

Кира вытерла слезы и достала задаток — десятку. «Приказчик» хмыкнул, мотнул головой и попытался утешить:

— Да наберете с миру по нитке — кто стул, кто кровать. Вы ж не с Луны свалились! Знакомые-то у вас есть? — Сказано это было с пренебрежением и даже с брезгливостью.

Кира утерла ладонью щеки и коротко ответила:

— Разберемся.

— Ну вот! — оживился маклер. — А то и на помойке гляньте — район новый, люди переезжают из своих клоповников, покупают гарнитуры, а старье — на помойку! Только глядите, чтобы без клопов. Занесете в дом — пропадете! — Он сунул ей в руку одинокий ключ. — Ну устраивайтесь! С новым жильем вас, так сказать.

Слабо хлопнула хилая входная дверь. Кира села на табуретку и снова расплакалась: «Да что за жизнь, господи? Одни унижения. Два взрослых человека с высшим образованием. Не приезжие — москвичи. С пропиской все как положено. И рыскать по помойкам в поисках дивана? Обзванивать знакомых и клянчить подушки, занавески, кастрюли, ложки-вилки и все остальное?» Нет. Она так не сможет. А куда ей деваться? И Мишке сказать нельзя — он еще больше впадет в депрессию. Ему-то каково, мужику? И про пустую квартиру она не скажет ему — пока не скажет. Зачем его унижать? Скажет потом, после — когда найдет какой-нибудь диван и еще что-нибудь. Ну и уберет здесь, все отмоет.

Она медленно встала, прошлась по квартире, провела рукой по подоконнику — он был влажный и очень холодный. На ладони остались грязные разводы. Она растерянно оглянулась — и вытереть нечем. Вымыла руки и с тяжелым сердцем вышла прочь.

Мишка был дома, и она удивилась — он был не то чтобы веселым, но возбужденным, почти радостным, другим. Глаза горели странным огнем, будто он выпил. Нет, вроде не пахнет. Да и спиртного в доме не имелось — накануне выпили последние полбутылки сухого вина.

Он усадил Киру на стул, сел напротив и взял ее за руки.

— Кирка! Я нашел выход, — смущенно покашливая и глядя ей в глаза, сказал он.

Она устало посмотрела на него:

— Какой выход, Миш?

В голове промелькнуло: «Какой выход, господи! Просто смешно. Он нашел выход! Как будто он есть, этот выход! А если и есть, то найду его я, а никак не он — это давно понятно». Она подумала, что очень устала. Знобило, подташнивало, да к тому же разболелась голова. Ей хочется горячего чаю и в постель, все. На разговоры у нее совсем не осталось сил.

Мишка сорвался со стула и заходил по комнате, как бывало всегда в момент сильного душевного волнения. Кира молча наблюдала за ним.

— Кирка! — наконец сказал он. — Я все решил! Мы уезжаем!

Кира нахмурилась.

— Да это и так понятно. Конечно, мы уезжаем. Точнее, нас выгоняют, Миша. Так будет правильнее. А впрочем, какая разница, как это назвать?

Он подошел к ней, взял ее за руки и помотал головой.

— Ты не поняла, родная! — Он улыбнулся. — Ты не поняла! Мы уезжаем совсем. Из страны. Я давно списался с Семеном. Ждал. Там есть место, Кира! Меня берут! Точнее — возьмут. Пусть пока на малую должность, почти лаборантскую. Какая разница? Я устраюсь, не сомневайся! В конце концов, с этим давно надо было заканчивать.

— С чем — с этим? — устало спросила она. — Ты о чем?

— Со всем этим. — Он скривился, как от зубной боли. — С нищетой, с безденежьем, бесприютностью. С тем, что ты, женщина, тянешь все на себе. А я, здоровый мужик... — Он замолчал и с отчаянием горячо продолжил: — Так больше нельзя, Кирка! Так больше невозможно, невыносимо! Унижение это, ну и все остальное.

Кира молчала, опустив глаза. А потом посмотрела на мужа и коротко спросила:

— Когда?

Он понял не сразу, а когда понял, облегченно выдохнул и быстро ответил:

— Как только оформимся. Это, конечно, не месяц. Но уж как получится. Главное, что нам стало все ясно — мы уезжаем! А все остальное — фигня! Так ведь, Кир? — Последнюю фразу он произнес жалобно, словно ждал от нее подтверждения. И, конечно, поддержки.

Она твердо посмотрела ему в глаза и проговорила:

— Да. Мы уезжаем.

И только после этого скривилась и расплакалась — сколько слез пролилось в этот день! Наверное, за полжизни. А впереди была бессонная ночь. Нет, не так — впереди было еще много бессонных ночей. Но эта была первой — из бесконечной череды всех остальных.

Кира думала о том, как она любит этот город. Эту огромную, безумную Москву — красавицу, без сомнения. Но подчас и коварную, и недобрую, и даже лживую. И все-таки она любит этот город, где не родилась, но который, безусловно, стал ей родным. Она любит и маленький, уютный и очень зеленый Жуковский — в нем прошла ее юность. Военные городки, в которых случалось проживать ее семье. Жаркий, с обжигающим ветром Кировабад, который она помнила плохо, кусками, — шумный от гортанных выкриков местных смуглых, черноволосых, золотозубых людей. Вспоминался поселок в тайге — влажный лесной запах и хруст поломанных веток, печенье из геркулеса, которое пекла мама, — в городке подолгу не бывало муки. И шоколадную колбасу, которую мама готовила на ее дни рождения. И ледяную горку зимой, и мокрые мохнатые мальчишковые шаровары с комьями налипшего

снега, уже почти льда. И запах лыжной мази — отец натирал ее лыжи в предбаннике возле квартиры.

И Новый год в городке — неперемный концерт в клубе, конечно, своими силами, чистая самодеятельность — артисты, даже провинциальные, до них не доезжали. Аккордеон, запах хвои от красавицы-елки, запах апельсиновой корки, нарядные и прибранные жены военных, ревниво оглядывающие соседок. И пироги на любой вкус, испеченные ими же, женами. На пироги устраивались конкурсы — чей вкуснее. И Кира помнила, как нервничали женщины — кому достанется первое место? Кого назначат лучшей хозяйкой? Настоящие страсти кипели, неподдельная конкуренция. Наконец торжественно называлась победительница, шедшая медленно, с достоинством, на украшенную гирляндами сцену. А все остальные провожали ее немного завистливыми и расстроенными взглядами. А на сцене ждал приз — господи, приз! — жалкая вазочка из прессованного хрусталя или льняная скатерка. Помнила Кира бесконечный стрекот швейной машинки — мама шила платья на праздник, и себе и Кире. И грибные походы по осени — большая компания, десяток женщин с детьми, резиновые сапоги, куртки, платки и корзины, огромные корзины для грибов. Грибов было действительно много. И перекус на поляне — бутерброды с салом, пирожки с повидлом и луком, холодная картошка в мундире и травяной чай из термосов. Настоящего черного чая не было — иногда завозили развесной краснодарский, пахнувший лежалой травой. Поэтому собирали травы: жимолость, побеги цветущего вереска, молодые нежные листья таволги и бадана, листья брусники, кипрея, сушили ежевику и землянику. Вкусно, полезно, а главное — доступно и совершенно бесплатно. Какой это был чай! Возвращались с огромными горами грибов — крошечных боровичков, красноголовиков,

рыжиков и груздей — белых и черных. Все остальное просто не брали — куда девать этот мусор, когда и благородного улова завались?

А по ночам чистили — голова падает на стол, руки черные, а гора на столе не уменьшается. Наконец мама сжаливалась и отправляла ее спать. Кира падала на кровать и тут же проваливалась в сон, как в черную яму, — еще бы, устала!

А утром будил запах — с раннего утра мама варила грибы. Над плиткой сушились вязки боровиков — и сладкий грибной благородный дух витал по квартире.

Грузди и рыжики солили в эмалированных ведрах — из них несло чесноком и укропом. Мама придирчиво пробовала соленый гриб и качала головой — рано. А когда они «поспевали», их раскладывали по стеклянным банкам и сносили в погреб, который под домом, в подвале, сделали мужики — общий, для всех. На полках стояли надписанные банки: Фроликовы, Иванченко, Тезасяны, Крупинниковы, Валиевы. Даже азербайджанцев Валиевых приучили к грибам. «Иначе не получится, живем на подножном корме», — вздыхая, говорили женщины.

По осени начинались ягоды — брусника, клюква. В августе — малина, в июле — черника, а еще раньше, в июне, земляника. Труднее всего было собирать лесную малину — колючие кусты царапали руки и ноги. Но и клюква с брусникой не праздник — болото, чавкающий мох, мошка, комары.

— Да ладно! — отмахивалась от ноющей дочки мать. — А зимой? Что будешь лопать? Ага, вот именно! Печенье с земляничным вареньем, брусничный кисель! А соленые грибочки с картошкой? Вот и трудись, дочь. Без труда, сама знаешь...

Кира знала. Но знала и другое — в больших городах так не живут! В больших городах не расчесывают по ночам до крови искусанные мошкой руки и ноги, а главное — лицо. В больших

городах нет погребов, а значит, не надо заготавливать впрок тысячи банок. Не надо топить печку, стоять часами за мукой и селедкой, ходить за хлебом через лес в соседний поселок — именно там и находилась пекарня. В больших городах продавались апельсины и мандарины, капроновые разноцветные ленты для кос и немецкие резиновые пупсы — как настоящие младенцы, вот-вот закричат. Как ей хотелось жить в большом городе, где никто не знает друг друга, где нет дурацких разборок и сплетен, где женщины не судачат о жене военкома. Нет, в городке было много хорошего — и подружки, и медведик. Правда, его увезли. И ледяная горка зимой, и теплая печка, у которой так уютно было погреться.

Но большого города не случилось — она попала в Жуковский. Снова провинция. Мама успокоила — до Москвы-то всего ничего. Полчаса, и ты в столице.

Кира помнила, как в первый раз они, всей семьей, поехали *в город* — так родители называли Москву. Красная площадь, улица Горького, Казанский вокзал. И бесконечный народ — везде, повсюду. Народ торопится, сует, толкается. Хмурится. Она замерла от недоумения и восторга — ее ничего не строило, нет!

А мама смеялась:

— Ну? И как тебе эта сумасшедшая Москва? Неужели нравится? Безумный город. Зачем он тебе?

Кира, сглотив слюну от волнения, только кивала — ага, безумный. Только ей очень нравится.

А потом было кафе-мороженое, металлическая вазочка с шоколадным и ванильным шариками, политыми кисленьким вареньем. И жареные пирожки с мясом — длинненькие, ровненькие, как столбики. Из знаменитого Елисеевского — Кира могла съесть сразу три или даже четыре. И памятники Пушкину и Маяковскому. И Гоголю на зеленом бульваре, где толь-

ко-только распустилась сирень. И Пушкинский, и Исторический, и Третьяковка.

Там было все, в этом городе, — театры, цирк, кафе и магазины. Там были нарядные, модные и загадочные женщины, за которыми струился шлейфом прекрасный и волнительный запах духов. Из булочных пахло теплым хлебом и ванилью, мороженое было восхитительно нежным и растекалось на языке, в магазине продавались дефицитные золотистые малюсенькие рыбки — шпроты, в стеклянных конусах — разноцветные соки: красный — томатный, прозрачный желтый — яблочный, а темно-бордовый, густой, как сметана, — сливовый с мякотью. В жужжащей колбе взбивался необыкновенный молочный коктейль — холодный, сливочный, с густой пенкой. На прилавках лежали свежие огурцы и краснобокие яблоки.

По величавой реке Москве с зелеными берегами ходили смешные и ловкие речные трамвайчики — все радость, восторг.

Она сразу полюбила Ленинские горы, густо поросшие зеленью, парк Горького с колесом обозрения и комнатой смеха, высотки на Восстания, в Котельниках. Университет. Как Кира мечтала туда поступить и влиться в эту веселую, нарядную и смелую толпу студентов. Она открыла для себя тихий и немного провинциальный Арбат — гордость москвичей, розово-желтое купеческое Замоскворечье — тихое, спокойное, умиротворяющее, наверняка как в старые добрые времена.

Это было не город — это была сказка, мечта. Мираж. И Кира уже тогда точно знала — жить она будет здесь. Только здесь, и нигде больше. И никуда из этого рая, из этой несказанной красоты, от этого счастья она не уедет! Ни-ког-да и ни за что.

И, надо сказать, этот город отнесся к ней благосклонно, не обманул и почти сразу принял в свои объятия. Нет, конечно, он был разный — были скучные и предсказуемые окраины, густо

застроенные унылыми пятиэтажками. Разбитые дороги и тротуары, полупустые магазины, хамоватый и резкий народ. Но на Кирину любовь это не повлияло. Она по-прежнему, по-детски, счастливо и радостно, беззаботно и наивно, почти безоглядно была влюблена в этот город. В котором — в этом она была абсолютно уверена — ей предстоит прожить всю свою жизнь. Всю свою длинную и счастливую жизнь. Здесь она будет счастлива — не сомневайтесь. И здесь родятся ее дети — двое, не меньше. Мальчик и девочка, Лизонька и Сережа. Вот, даже имена придумала — а что, красиво, правда?

Она тут же вступала в яростный спор, если кто-то принимался ругать ее Москву — только попробуйте!

Она легко поступила в институт — нет, не в вожделенный Университет, родители уговорили не рисковать, а в МИСИ. На прозаический факультет — градостроительство. Да, скучноватый и какой-то обыкновенный, не романтичный — какое нынче у нас градостроительство! Ну да ладно — все равно получилось главное: она училась в Москве! Общежитие положено не было — прописка была подмосковной, но Кира часто оставалась ночевать в общежитии у подруг. И за окнами снова гудела, шумела Москва.

А вот сейчас получалось, что из этого города, предназначенного ей судьбой, она должна была уехать. Расстаться с ним, как расстаются с любимым. Бросить, предать. Навсегда.

«Господи, о чем я думаю! — вздрогнула Кира. — Москва! Подумаешь, город! А родители? Как я забыла о них? Как сказать им об этом? Коммунисту отцу? Маме, не воспринимающей никаких критических разговоров про советскую власть, пусть даже вполне справедливых?»

Вспомнились слова отца: «Ты дочь военного!» Он повторял это всегда, когда Кира принималась капризничать или на что-то жаловаться. Дочь военного — это была карма, судьба.

Это определяло характер — ныть, скулить, жаловаться не полагалось. «Ты дочь военного».

Господи... Отца же тут же отправят на пенсию! На что они будут жить? Как они вообще будут жить одни? Ведь впереди только болезни и старость. Она посмотрела на спящего мужа — Мишка похрапывал, и ей показалось, что он во сне улыбается. Мечтает о новой, светлой жизни? Наверное. Он натерпелся, все верно. Но ему легче — его родителей давно не было на этом свете. А Катя, дочь? Как он оставит ее? И Нина — с ней тоже придется разбираться. И кажется, — Кира вспомнила, — нужно будет отдать крупную сумму денег, алименты до восемнадцати. Точно, есть такой закон: обеспечить дитя, предатель Родины! А где взять такие деньги? Где? Даже не у кого занять. А, Зяблик! Да, только Зяблик, а кто же еще?

Допустим, с Ниной он разберется. Но Катя? Он так любит дочь. Ладно, в конце концов, пусть это звучит отвратительно, но это его проблемы. А ее родители, как ни крути, проблемы ее.

Чистая правда Мишкины слова — терять им нечего. Уезжают многие, даже те, которым есть что терять — квартиры, машины, дачи, работу, успех, признание, деньги. И уезжают! Говорят, что за свободой, которой здесь так не хватает. А им и вправду терять нечего — ничем обрасти они не успели. У мужа работы нет. Ничего у них нет, ничего. Кроме друг друга. Но страшно. Все равно страшно — новая жизнь, которую придется начать с нуля. Все непонятно и незнакомо.

Но они молоды, у них есть образование, головы, наконец. Будущее. Там — есть. Здесь — едва ли. Или не так? Или все дело в них самих и нечего искать виноватых? Это они не смогли пробиться, и нечего винить советскую власть. Это они — безрукие, неприспособленные придурки. Вон, оглянитесь! Ро-

весники вступают в кооперативы и через год заезжают в новые квартиры. Копят и гордо усаживаются в новенькие и блестящие «Жигули». Достают у спекулянтов австрийские замшевые сапоги и дубленки, французские духи и финскую колбасу. Билеты в Ленком и «Современник», на премьеры в Дом кино. Запросто проходят в лучшие рестораны — и важные, похожие на генералов, в золотых галунах, швейцары с почтением и поклоном открывают перед ними тяжелые двери.

Значит, просто эти люди умеют жить? Договариваться, заводить полезные знакомства, не гнушаются мясниками, ловко отрубающими палку свиного карбоната? Размалеванными продавщицами, с опаской и оглядкой вытаскивающими из-под полы импортную кофточку или помаду? Официантами, сноровисто запихвающими трешку в карман. Парикмахерами, устало, с одолжением разглядывающими твою плохо постриженную и заросшую голову. С капризными и всемогущими кассиршами в театральных и железнодорожных кассах. Это они умеют подносить нужным людям подарочки, шутить, рассказывать анекдоты. Быть «своим» — или нужным, или просто платежеспособным. Унизительно? Да бросьте! Такая жизнь — что тут поделаться? Иначе не получается. Нет, конечно, конечно, иначе, без унижений. Только разве не унижение все остальное? Серая колбаса, купленная в обычном магазине. Отвратительный кофе из пачки с зеленой полосой? Кошмарное темное мясо с огромной косточкой? Советский легпром — колоды на ноги, мешковина на тело. Это не унижает? Нытье перед вокзальной кассой, в аптеке, в галантерее. Бесконечные очереди — кажется, отстоишь в них полжизни. И вечный подсчет копеек до зарплаты. И нескончаемые долги: заткнешь одну брешь — и тут же другая. А вранье? Везде, повсюду — по телевизору, по радио и в газетах? А невозможность купить хорошую книжку?

Да, они не умеют жить, все так — интеллигенция! За это, кстати, их многие презирают. Да, они не умеют зарабатывать деньги. Да, они такие — неловкие, дурацкие, глупые и гордые. Хотя — чем гордиться? Своим неумением жить? Тоже мне доблесть. А там, за бугром, в этой пресловутой Европе? Как сложится там? Они же не изменятся! Они такие, какие есть. Может, нигде у них не получится? А как это понять? Да никак.

У Киры началась паника — нет, нет и еще раз нет! Они не смогут, не потянут, у них ничего не получится. Надо срочно отговорить Мишку — делать это нельзя, невозможно! Ее родители, его дочь. Ее страхи. В конце концов, здесь — их дом. Их страна. Родной язык. Друзья. Родня. Разве этого мало? И все это менять на призрачное благополучие? Она готовила свою пламенную и, как казалось, убедительную речь. Но Мишка может ответить: «А как же Семен? А Андрюшка? Разве они толковее, талантливее меня?»

Действительно, почему не сможет ее умный Мишка? Трудяга, талант, светлая голова? Мишка, выгнанный, униженный, почти уничтоженный и растоптанный? И она — тоже почти разбитая, вечно усталая, хмурая, недовольная, остро подмечающая все вокруг? Не желающая принимать эти правила игры? Дочь военного, как же. Пионерка и комсомолка. И просто гордая и честная женщина. Ей противно. Противно все это. А по-другому, выходит, нельзя. Не получается по-другому.

И она любит его. А для него это шанс, которого, скорее всего, здесь не будет. Это они понимают, хотя вслух об этом не говорят — слишком больно и слишком страшно точно знать, что эта дыра навсегда.

«Нет, правда, подумай, Кира! — уговаривала она себя. — Что нас тут ждет? Даже черт с ним, с бытом, со всеми этими импортными колготками, сухой колбасой, «Жигулями» и прочими благами! В конце концов, все это можно пережить, мы

не избалованны, привыкли. Главное — Мишка. Мишка, с его неустроенностью, с его депрессиями, тоской и потерей вкуса к жизни. Вот что страшно, вот где почти смерть. Как она может остановить его, не дать ему шанс? И как потом с этим жить?»

Ради мужа она должна это сделать. Там есть надежда. А здесь ее нет. Здесь она не может даже родить — куда принести ребенка? А ведь еще пара лет, и будет поздно. Правда, там тоже надо прижиться, устроиться. И получается, что будет тоже не до ребенка.

«Все, Кира, остановись! Хватит нюнить и разводить сопли. Мы молодые, здоровые. Мы вместе! И значит, все получится! Просто надо решиться. Или прозябать дальше в этой ужасной пустой и холодной квартире? В этой камере с видом на черный лес и Кольцевую? И платить за это огромные деньги, треть зарплаты? Клянчить подушки и сковородки? Нет, невозможно. Уезжаем».

И понеслось. Вызов из Израиля — иначе никак. Никакой родни у Мишки там не было — у него вообще не было родных. Вызов присылался каким-то сложным, загадочным путем, через знакомых — это была нормальная практика, было налажено. Главное, чтобы была хоть какая-то еврейская кровь. Мама у Мишки русская, Ольга Сергеевна Калязина, из деревни Верхушки, что в Псковской области. А вот отец — еврей, правда наполовину, но этого было достаточно.

Вызов пришел довольно быстро, и Кира снова испугалась — держала в руках узкий хрустящий конверт и тряслась: их решение обретало реальную форму. Нет, она почти успокоилась и внутренне почти приняла его. Но тут обнаружилось, что она беременна. Что делать? Ехать туда с пузом и сесть Мишке на шею, да еще и вдвоем с малышом? Остаться здесь? Нет, невозможно — ей будет нужно уйти в декрет,

муж по-прежнему без работы, квартиры по-прежнему нет. Принести ребенка в этот кошмар в Медведкове? В этот вечный свистящий сквозняк?

Она ничего не сказала мужу. Понимала, чем это закончится — Мишка никогда не позволит ей сделать аборт. Но аборт состоялся. В больницу она приехала утром, к семи. А к вечеру уже была дома. Все, история эта закончилась. И она правильно сделала — все правильно, да. Ради них, ради Мишки. А знать об этом ему и не надо — зачем причинять новую боль?

Они обрели новых знакомых — «отъезжантов», как их называли. Публика, надо сказать, тут была разная — и научная интеллигенция, прижатая властями, и торгаши, убегающие от тюрьмы. И люди творческие — довольно известный пожилой актер с молодой и очень красивой женой, и неудачливый поэт, и немолодая балерина, давно оттанцевавшая свой балетный век и тоже выкинутая за борт.

Была пара, уезжающая ради больного ребенка, — помочь мальчику могли только там. Кто-то презирал власть и даже пытался бороться с ней. Кто-то мечтал о тряпках и полных полках в магазинах. Кто-то задумывался о будущем своих детей.

Многие оставляли родителей, ни в какую не желающих уезжать. Без сожаления бросали квартиры, дачи, машины, надеясь, что там, в новой жизни, всем этим добром они сто раз обростут. Все были воодушевлены, возбуждены, и без конца из уст в уста передавались бесчисленные рассказы об уехавших знакомых — конечно же, самые радужные и обнадеживающие. Все тут же устраивались на работу, почти сразу покупали большие машины и дома с лужайками, все лечились у замечательных врачей, щеголяли в модных тряпках и питались замечательными продуктами. Из рук в руки передавались цветные блестящие фотографии — не фотографии, а картинки

из сказки. И вправду, машины были длинными, блестящими и серебристыми, тряпки — немыслимые джинсы, платья и кофточки — восхитительными. А еще йогурты всех цветов и любого вкуса — малиновый, грушевый, клубничный, чистые, без единого бочка, яблоки и груши, как искусственные — такие ровные и красивые. Такие бывают?

И чистейшие, гладкие, без единой жилочки и косточки, ровные куски мяса — загляденье, сладкая греза любой хозяйки. И гладкие розовые курочки с толстыми боками. При виде них перед глазами тут же всплывали в памяти родные синие птицы с крючковатыми желтыми, страшными когтями. Да все, господи! Все красивое, как из сладкого сна. Невозможного и нереального. А улицы? Такие чистые улицы — неужели такое бывает?

Все писали о совершенно невозможных, невероятных соседях и случайно встреченных незнакомых людях на заправках, в лавках и банках, которые постоянно улыбались и искренне готовы были помочь. И снова все качали головами и дивились: так бывает? Без нашего вечного хамства, вымогательств, гнусных чиновничьих рож? С улыбкой, добром и без унижений? Не очень верилось. Но в душе поднималась горячая волна — и у нас будет так же! И у нас будет красивая, сытая и счастливая жизнь. Интересная и любимая работа. И наши дети будут расти в этом мире — мире добра и любви. И сердце затопляла гордость за свою отвагу, решительность, смелость.

По рукам ходили списки, что обязательно надо везти и что — точно не нужно. И что интересно — списки составлялись для «богатых» и «бедных». В список для «бедных» входили спальные мешки, кухонная утварь, включая ручную кондовую мясорубку — на первое время, цветной телевизор «Юность». Ковер — непременно, а лучше — два: один себе,

один на продажу, там они прекрасно идут! Только вот ковер надо было достать. И вдобавок нужны были деньги, чтобы его купить. История не для Киры с Мишкой, хотя новые знакомые предлагали помочь — возможности у некоторых были немалые.

Были в списке и подушки, и постельное белье, и почему-то ситцевые ночнушки, и даже горчичники с валокордином — смешно. Ну валокордин им точно не нужен, а вот белье и подушки вполне пригодились бы.

Книги оставались у Нины, в той семье. Мишка мечтал их забрать, к тому же подошло время для объяснений, надо было решать вопрос с алиментами для Кати. Кира видела: Мишка надеется, что Нина благородно не станет требовать деньги с безработного бывшего мужа. Кира, конечно, в это не верила — Нина остается с дочкой одна. Да и к чему благородство? Да, он оставил ей квартиру. Но когда это было и сколько воды утекло!

Решили так — на один день они разъезжаются. Мишка — к Нине, Кира — к своим. На самый трудный в их жизни разговор. Одновременно будет легче — каждому будет не до переживаний за другого.

Кира нервничала так, что с ночи страшно разболелась голова. По слабости духа подумывала разговор отложить. Но, увидев Мишкино решительное лицо, передумала: пропадать — так вдвоем! У них все вдвоем, пополам, вся их совместная жизнь.

На улице обнялись.

— Как на войну, — грустно усмехнулась Кира.

Мишка молча кивнул.

Дорогой в Жуковский Кира всплакнула — всех было жалко: и родителей, и себя. Но требовалось еще и родительское разрешение — вот и это было проблемой. Хотя чего ждать, на что рассчитывать? Реакция матери и отца была вполне предсказуемой — и Кира это отлично понимала.

* * *

Мать выглядела озабоченной и Кириного настроения, кажется, не заметила — вечно болеющий муж теперь был ее основной проблемой. Что там дочка? У нее давно своя жизнь, она давно отрезанный ломоть.

Кира села на кухне, и мать спросила:

— Голодная? Есть будешь? У меня сегодня кислые щи.

Кира обреченно кивнула: обед — небольшая оттяжка. Пусть будут щи.

Отец к обеду не вышел — спал. Мать посетовала, что он теперь много спит. Только приляжет, сразу засыпает. Ну и уже легче. При отце начать разговор было совсем страшно. Она молча хлебала щи и готовилась. «Кажется, так я никогда не боялась», — подумалось ей. Но и это надо пройти. Надо. И она это пройдет.

Наконец выдавила, как пискнула:

— Мама, у нас для вас новость. Не слишком приятная, но неизбежная.

Мать вскинула брови:

— Ну-ну! — поджала губы. — Чего от вас ждать? Одних неприятностей.

— Мама! — выдохнула Кира. — Мы уезжаем.

Мать растерянно моргала глазами — не понимала.

— Куда? — булькнула она. — И надолго?

Страшно было произнести — «навсегда».

Кира молчала.

Мать повторила:

— Куда вы собрались? Что еще в голову вздумалось этому твоему?

Кира оборвала:

— Мужу, мама! Как бы тебе это ни нравилось, Миша мой муж. И хватит, пожалуйста! — Помолчала с минуту и как

в воду: — Мы уезжаем насовсем. Насовсем, мама! И вам надо принять наше решение. Ты же знаешь. — Кира, ободренная материнским молчанием и растерянностью, затараторила: — Мама! Ты же знаешь, что у Мишки с работой! Ты же знаешь, как мы живем. Тебе же известно, где мы и как. Мы устали слоняться по чужим углам! Мы уже взрослые люди и... — Кира заплакала.

Мать молчала.

— Мама! — выкрикнула Кира. — Ну не молчи! Умоляю! И еще — пойми меня! Пойми нас! Мама, пожалуйста!

— Вас? — хрипло сказала мать. — А меня? А отца? Нас кто поймет? — Она резко встала со стула и вышла из кухни.

Кира сидела как прибитая. Уйти? И что дальше? Что вообще дальше? Как быть? Так и сидела бы до второго пришествия. Если бы не услышала рыдания матери. Встала, прошаркала, как старуха, по коридору и наконец решила зайти в комнату, где спал отец. Он лежал на спине с закрытыми глазами. «Как мертвец, господи», — мелькнуло у нее. Мать, притулившись на краю кровати, рыдала, закрыв лицо руками, и приговаривала:

— Беда, Костя, беда. Ой, какая большая беда!

Сердце сжалось до невозможно острой, как вспышка, боли.

— Мама! — выкрикнула Кира. — Ну какая беда? Ты же все знаешь! Тебе все известно про наши мытарства! Выхода нет, понимаешь? Мишка погибнет. Еще пару лет — и погибнет! А там — там я рожу! Это здесь я старородящая, убогий и презираемый перестарок. А там и после тридцати рожают, мама!

«Все, аргументы кончились», — подумала она.

Но мать прекратила рыдать — в секунду, как выключили. И спокойным голосом ответила:

— Погибнет? Как же! А если и погибнет, так и, прости, слава богу! Выйдешь нормально замуж — у тебя еще есть пара лет. А про внуков — да что это нам, если мы их не сможем растить?

Пораженная, Кира молчала, хватая ртом воздух, как выброшенная на берег рыба. Наконец из горла вырвался хриплый, сдавленный крик:

— Господи, мама! Как же ты можешь! Он... Я же люблю его, мама!

— Юля, — тихим голосом откликнулся отец. — Прекрати. Пусть делают что хотят. Их жизнь. Пусть коверкают, ломают — их право. А то, что дочь вырастили такую, так это к нам, а не к ней.

Он открыл глаза и повернул голову к Кире:

— Подпишем тебе твои бумаги, не беспокойся. Все, что надо, подпишем. И давай — в новую жизнь! У вас там получится, не сомневаюсь — если через нас перешагнула, через родину.

Кира ничего не ответила. Последнее, что запомнилось, — глаза матери, растерянные, удивленные и не верящие услышанному. Неужели это сказал ее муж? Как же так? Ведь она так на него рассчитывала.

Кира шла по улице и редела. Облегчения не было — вроде бы все разрешилось, слово отца закон, как он сказал, так и будет. Отец не из тех, кто меняет решение. Только горечь на сердце, тоска. Душа рвется на части. А они ведь правы, ее старики! Хотя какие они старики? Слегка за пятьдесят — разве это возраст? Но очень скоро они и вправду превратятся в стариков. Отец и сейчас постоянно болеет — сказывается тяжелая жизнь в гарнизонах. Мать еще держится — женщина всегда сильнее. Но ведь они правы, а? Как они будут без поддержки, совершенно одни? Но разве есть альтернатива?

Разве она может отказаться от их с Мишкой решения? Ну допустим, она остается — без любимого мужа, без надежд, без перспектив. По-прежнему без угла. Только теперь совершенно одна. С очень незначительным шансом устроить личную жизнь, потому что в первую очередь это не нужно ей самой. Окончательно без детей — это понятно. Но родителей не бросит. На алтаре две жертвы — родители и муж. Кого она выберет?

Вернуться к ним? Хорошо, и это допустим. Хотя что тут хорошего? Не уживутся они. Никогда. Даже в юности было сложно. А уж теперь! Но самое главное не это — самое главное, она им никогда не простит, что они сломали ее жизнь и лишили любимого. И довольно скоро — или не очень скоро, особой разницы нет, это все равно обязательно случится — она начнет их ненавидеть. Одинокая старая дева, снимающая убогую комнатку на задворках Москвы, считающая жалкие копейки, еле выживающая, — в такую она превратится очень скоро, лет через пять. А то и раньше. Нет, конечно, она их не оставит — будет мотаться по воскресеньям, проклиная и ненавидя свою одинокую жизнь. Отстаивать очередь за колбасой и «Юбилейным» печеньем, вырывать из чьих-то рук тощую синюю курицу — гостинцы родным. Тащиться в холодной электричке и снова проклиная свою судьбу.

А там, у родителей, бросаться пятеркой — мать непременно будет требовать, чтобы дочь взяла деньги: «Ты же и так считаешь копейки!» В результате, конечно, они поругаются. Кира откажется обедать, наорет на мать, швырнет на стол банку с вареньем — ответный гостинец — и, громко хлопнув дверью, с облегчением выкатится за дверь. А в электричке снова примется реветь. А потом вернется в чужой угол, на чужую кровать. И опять одиночество — кошмарное, дикое, беспросветное. Уже окончательно и навсегда.

А потом кто-то из них уйдет — уйдет первым. Это жизнь, это нормально. Допустим, отец — это скорее, хотя бывает по-всякому. Если мама останется, она справится. А если останется отец? Он не сможет себя обслужить — ему и сейчас это сложно, без мамы он никуда. И она, хорошая дочь, конечно же, переедет к нему — это не обсуждается. Ну и все, что к этому прилагается, — уход, врачи, таблетки, уколы. Каши на воде. Нытье, капризы. Мать привыкла, терпит — муж. А она, дочь? Нет, она не стерва — она, безусловно, исполнит свой долг. Станет выслушивать жалобы, претензии, терпеть. Злиться, раздражаться, но терпеть, неумолимо превращаясь в окончательную скрипучую зануду. Только простить ему она не сможет, нет! Меняя белье, купая его в ванной, подавая ему еду, она всегда — всегда! — будет вспоминать, что осталась из-за них. И это чистая правда.

Ну а если первым уйдет отец, с матерью начнутся вечные ссоры. Они никогда не понимали друг друга. И никогда — никогда! — она не забудет и не простит ей те слова: «Погибнет? Как же! А если и погибнет, так и, прости, слава богу! Выйдешь нормально замуж — у тебя еще есть пара лет».

Никогда. Если только не наступит полнейшая амнезия.

Ну а потом Кира стала себя успокаивать. «А на что ты рассчитывала, дорогая? На горячие объятия и бурную радость от эдакой вести? Ага. Ты, кстати, думала, что будет куда хуже — например, они откажутся подписывать разрешение на выезд. Была почти уверена в этом. И получается, что все сложилось совсем неплохо. В обморок никто не упал, «Скорую» не вызывали. Свыкнутся с мыслью, привыкнут — деваться-то некуда. Ни им, ни мне», — вздохнула она и слегка успокоилась. Надо подождать, переждать, и все устаканится. Главное, что она решила. И без потерь не бывает — во всяком случае, в подобных ситуациях. Всегда надо жертвовать. Всегда будет жертвы.

В конце концов, таких, как они, сотни и даже тысячи. И все как-то живут. Жестоко? Жестоко. Будет за это платить? Безусловно. Готова? Готова. И переключилась мыслями на Мишку: «Как он там?»

Домой почти бежала. «Домой»... По темным окнам поняла — его еще нет. Сердце сжалось. Открыла дверь и поняла, что Мишка дома — споткнулась о его ботинки в прихожей. Бросилась в комнату — одетый, он лежал на кровати.

Села на край:

— Мишка, милый! Все — плохо?

Он дернулся, кашлянул и мотнул головой:

— Нет, все в порядке, если можно так сказать. — Истерично и коротко хохотнул.

Про нее не спросил — боялся?

Не дождавшись сколь-нибудь вразумительного ответа, Кира пошла раздеваться. В квартире, как всегда, было прохладно. Как ни заклеивай окна, как ни подкладывай под разбухшие от сырости рамы старые полотенца, все равно дует из всех щелей. И не справиться с этим никак.

Надела старый теплый свитер, шерстяные носки, тапочки — и пошла готовить ужин. Открыла холодильник — почти пусто. В морозилке валялась пачкапельменей — вот оно, счастье! Такое простое и незатейливое, такое бедняцкое и насмешливое счастье. От отчаяния и жалости к себе брызнули слезы. Поставив на плиту кастрюлю с водой, Кира встала у окна. Было темно. Фонари не горели. От порывов ветра хлопала дверь подъезда. По темной Кольцевой проезжали машины, и от их фар коротко и ненадолго освещалась улица. Впрочем, пора было ставить чайник. На этой чертовой плите под названием «Лысьва» он закипал не меньше чем через полчаса. Не дождешься — особенно по утрам, когда торопишься на работу. Вытащила пельмени, достала из хо-

лодильника майонез — тоже дефицит, кстати, — и пошла в комнату.

Мишка дремал — уже хорошо. Укрыла его одеялом и пошла есть одна — будить нельзя, пусть отдохнет. С трудом глотала уже остывшие пельмени, запивала горячим чаем и молча глотала слезы. Вымыв тарелку, осторожно легла рядом с Мишкой. Тихонько прижалась и закрыла глаза. И наступило блаженство. Такой покой наступил, что она улыбнулась. Вот ее жизнь. И по большому счету, никому, кроме друг друга, они не нужны в этом мире. У матери есть отец, и наоборот. У Кати есть мать и бабушка с дедушкой. А у них с Мишкой никого больше нет. Выходит, все они правильно делают. И все они переживут и через все пройдут. А может, не так все и страшно? С этими мыслями она наконец уснула.

У Мишки — вот странное дело! — выходило все более-менее. Нина новость восприняла спокойно и даже сказала, что внутренне была к ней готова. Не то чтобы поддержала бывшего мужа, но постаралась понять. Про Катю разговоров не было — что обсуждать? Что обсуждать, кроме денег?

Стала оправдываться: «Ты должен меня понять. Тяжело поднимать одной. Да, от тебя и раньше-то финансовой помощи не было — если по-честному. Не обижайся. А вот поддержка была — ты был рядом. Но пойми и меня. Обдирать тебя не буду. Много требовать — тоже. Но извини, дружба дружбой, как говорится...»

Короче говоря, итог переговоров был таков — две тысячи рублей. Деньги огромные, неподъемные. А еще предстояло купить кое-какие вещи в новую жизнь. Оставалось одно — идти на поклон к Зяблику.

— А если откажет? — тихо спросила Кира. — Что будем делать?

Мишка с надеждой ответил, что вряд ли. Для Зяблика это не такие уж дикие деньги. Про то, когда они отдадут этот долг, оба молчали. Что они знали, что понимали? Да ничего.

К Зяблику отправились в первые же выходные. Ехали как на каторгу. Понимали: если откажет — все, конец. Нет, был еще малюсенький шанс уговорить Нину обождать, пока они устроятся. Но не хотелось. А просить в долг хотелось?

У Зяблика было все по-прежнему — шумно, накурено, по дому слонялись красивые девицы, стол был уставлен яствами, пахло хорошими духами, настоящим кофе, кожей — уверенностью и богатством. В духовке запекалась баранья нога, и аромат был такой, что Кира громко сглотнула слюну.

Зяблик, в вельветовых, в крупный рубчик, зеленых брюках и в белом свитере, был, как всегда, хорош и вполне соответствовал всей обстановке. Вернее, обстановка соответствовала хозяину. Да и что могло измениться?

Негромко играла музыка, и Кира устало опустилась в кресло. «Сейчас решается наша судьба», — грустно подумала она.

Мишка с Зябликом удалились в кабинет.

Не было их минут десять, не больше. Кира вздрогнула, увидев их на пороге гостиной, — Мишка был весел, Зяблик расстрян. Муж махнул Кире, позвал ее на кухню. Дрожали руки, дрожали ноги. Расселись, и Зяблик молча разлил коньяк и порезал лимон. Сел напротив.

— Ну, други! Покидаете, значит, меня?

Кира видела, что Зяблик расстроен, но внутри ликовала — было понятно, что деньги он дает. Зяблика быстро развезло — впрочем, и пузатую бутылку «Камю» они уговорили минут за двадцать.

— Вот, — наконец проговорил он, — и начались мои потери. Рано как-то. Нет, ребята, я все понимаю! Хреново у вас.

И вы, наверное, правы, — жизнь покажет. Но я вам желаю от чистого сердца — уж в этом вы, надеюсь, не сомневаетесь!

Кира с Мишкой дружно кивнули.

— Но как я без вас? Как я без Мишки? — Зяблик пьяно хлюпнул носом.

Мишка накрыл Зябликову руку своей и тоже захлюпал. Кира встала, чтобы сварить кофе. Смотреть на них было непросто. «Всех жалко, — подумала она. — Все мы, по большому счету, одиноки. И даже Зяблик, вечно окруженный шумной толпой приятелей и прихлебателей, ни на минуту не остающийся в одиночестве, сейчас кажется совсем одиноким — ни семьи, ни детей. Бедные люди, бедные мы! Всех жалко. И себя — в том числе».

Но выбор сделан, и главное, что есть деньги. Путь открыт — добро пожаловать!

В целом, надо сказать, все складывалось довольно удачно. Про родителей и алчных бывших жен истории рассказывали разные, и даже страшные, между прочим, — Кира их слышала. К своим решила пока не ездить — пусть успокоятся. Правда, время поджимало — пора было оформлять документы, а без разрешения от родителей это было невозможно.

Дел было полно. Все-таки купили по мелочи: две кастрюли, пару сковородок, дешевый сервиз — это все называлось «на первое время». Кира воодушевленно бегала по магазинам — раньше такое за ней не водилось. С работы она уволилась — по-другому было нельзя. В Медведках телефона не было, позвонить родителям было невозможно. Наконец она собралась с духом и поехала — дальше откладывать было нельзя. На станции позвонила — трубку сняла мать. Услышав Кирина голос, заплакала:

— Доченька, дочка!

Кира от неожиданности оторопела — не ожидала такого приема. От волнения сердце заколотилось — вернулась на перрон и купила у бабульки букетик подснежников.

У двери квартиры постояла, попыталась справиться с волнением, выдохнула и наконец позвонила.

Мать тут же открыла дверь и выкрикнула в квартиру:

— Отец! Кирочка наша!

Кире опять показалось, что она попала не туда, не к своим — такого не может же быть!

Мать обнимала ее, вглядывалась в ее лицо, гладила по голове и причитала. Было такое ощущение, что встретились они спустя долгие годы разлуки — будто Кирина эмиграция давно состоялась и вот наконец пришло время долгожданной встречи.

Отец молчал и на дочь не смотрел, но и в его глазах осуждения не было. Переживает, увидела Кира. Просто страдает — и все. И в эти минуты ей снова стало невыносимо стыдно и больно — кажется, так стыдно и больно не было никогда. «Какая же я дрянь! — подумала она. — Просто законченная тварь и сволочь! Конечно, они любят меня и очень страдают. Теряют единственную дочь. Навсегда». Кира обняла мать и разревелась.

Это был лучший, самый трогательный день в их семье за последние лет десять. И, конечно, самый несчастливый. Но именно в то дождливое весеннее воскресенье Кира почувствовала себя дома, в семье.

Мать хлопотала на кухне, причитая и охая, что нет воскресного обеда: «Ты же не предупредила нас, Кирочка!» Да и никакого другого обеда не было, что для матери было невозможно. «Без супа и компота нет семьи», — всегда говорила она. Но, Кира заметила, холодильник был пуст, чашки после завтрака не помыты, да и после ужина, кажется, тоже — грязная посуда

была навалена в переполненной мойке. На подоконнике скорчилась засохшая герань — и это было странно и невозможно: цветы свои мать обожала и берегла. Киру поразили давно не метенный пол, пыль на шкафах и — главное — стойкий запах ментола и валерьянки.

Мать очень сдала за это время, хотя прошло-то всего ничего. А как будет дальше, после ее отъезда?

Кира страдала. Первая радость и облегчение от перемирия отошли — как не было. И она разглядела лица родителей — одутловатое и болезненное отца, серое, с темными подглазьями матери. Увидела ее дрожавшие руки. Застиранный, блеклый от времени халат с затертыми обшлагами, старые, стоптанные на задниках тапки. И материнские пятки — заскорузлые, темные, как кусок старой коры. А она всегда следила за собой — никогда не пропускала маникюр и укладку. Отец тяжело и хрипло дышал. Губы у него были бескровные, голубоватые.

Мать чистила вялую, проросшую картошку и, порезав палец, громко расплакалась.

Кира поняла, что отвыкла от них. В последнее время ездила к ним с неохотой, зная, что ее ждет: вечные нравоучения, жалобы на хворобы и прочее, какие-то сплетни про соседей, которых она и не знала. Она привыкла думать о родителях с некоторым презрением. Мать — типичная гарнизонная жена. Вечные хозяйственные хлопоты — закрыть на зиму побольше банок с «консервой», как она говорила. И Киру эта «консерва» страшно бесила. Вечное откладывание денег «на черный день» — казалось, что всю свою жизнь они ждали черного дня.

Киру буквально трясло от «важного» мероприятия — обязательного, всегда торжественно обставленного, — закваски капусты на зиму. И почему? Почему ее так раздражали эта покупка кочанов почти в промышленных масштабах и весь даль-